

Александр Абалихин

Медовый Спас

16+

Александр Абалихин

Медовый Спас

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Абалихин А.

Медовый Спас / А. Абалихин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

На Земле массово погибают пчёлы, поражённые смертоносным вирусом. Умиравший от неизлечимой болезни городской житель находит спасение в глухой таёжной деревне, где сохранилась пасека. В тех местах происходят странные явления.

Содержание

Глава 1. Закат в городе	5
Глава 2. В тайге	18
Глава 3. Звон-остров	32
Глава 4. Встреча с прошлым	44
Глава 5. Пасечник	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Абалихин

Медовый Спас

Глава 1. Закат в городе

Павел проснулся в полдень. На улице весело чирикали воробьи. В распахнутое настежь окно врывался душный аромат сирени и цветущих возле дома старых яблонь.

Тридцатипятилетний мужчина в спортивном тренировочном костюме лежал на выцветшем диване в своей городской квартире, расположенной на пятом этаже старой девятиэтажки. Всю ночь и утро он провёл в полудрёме – то выходил из липкого сна, то снова проваливался в полузабытьё и попадал в мир ярких сновидений. Сон оставался его единственным спасением от нестерпимой Боли, которая не отпускала его, когда он бодрствовал. Во сне он отвлекался не только от Боли, но и от мучительных размышлений о приближающейся смерти. Очередной курс химиотерапии, закончившийся несколько дней назад, не принёс облегчения, а лишь ещё больше разрушил его измученный Болью организм.

Ближайшее будущее представлялось Павлу ужасным. Даже его научный труд, который он так и не завершил, теперь представлялся ему никчёмной тратой времени. А ведь совсем недавно он был всецело поглощён своей работой.

Институт, в котором он проработал более десяти лет после окончания биологического факультета университета, занимался изучением вирусных заболеваний насекомых. Отдел, который возглавлял Павел, бился над проблемой продолжающейся массовой гибели пчёл. Смертельный вирус апимортоза, переносимый паразитирующими на пчёлах клещами, уничтожал этих полезных насекомых по всей Земле. Вирус поражал в первую очередь пчелиных маток, а вскоре погибали все пчёлы в улье. Это привело не только к исчезновению такого продукта питания, как мёд, но и к гибели многих цветковых растений, опыляемых пчёлами. За пятнадцать лет, которые прошли с начала массовой гибели пчёл, с прилавков магазинов стали пропадать гречка, подсолнечное масло и многие другие продукты питания. Опустевшие пасеки были заброшены. И над цветущими яблонями, которые росли под окнами квартиры Павла, не кружили жужжащие пчёлы.

Павел подумал, что не только пчёлы, но и он сам тоже скоро покинет этот мир. Тогда, наконец, вместе с ним уйдёт и его Боль. И, всё же, несмотря на не отпускающую его проклятую Боль, ни на что не надеясь, он подсознательно стремился отдалить свой уход в небытие.

Зазвонил мобильник. Павел взял с тумбочки телефон и услышал встревоженный голос Натальи – его бывшей возлюбленной, с которой они уже давно не общались.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила Наталья.

– Как обычно, – прохрипел Павел.

– Тебе плохо?

– Как всегда.

– Я к тебе приеду. Надо поговорить.

– Я устал. Мне хочется отдохнуть.

– Это очень важно. Ведь мы с тобой не расписаны, а у тебя трёхкомнатная квартира. Ты, прости, но ведь близких родственников у тебя нет.

– Не надо мне звонить. Мне хочется побыть одному, – попросил Павел.

В мобильнике послышались гудки. Наталья обиделась и прекратила разговор. Павел подумал, что так, наверно, даже лучше. Он удивился, что сам нисколько не обиделся на неё за вновь начатый разговор о его квартире. Вообще-то, можно было бы завещать квартиру Наталье, но Павлу казалось, что тем самым он подпишет себе смертный приговор. Когда он станет

никому не нужен, жестокая Боль окончательно сомнёт, уничтожит его. Тогда он умрёт, и для него навсегда исчезнет удивительный мир вместе с чирикающими воробьями и пышно цветущими яблонями.

Павел встал с дивана приготовил овсяную кашу и без аппетита поел. Затем он выпил снотворное, снова лёг на диван и провалился в сон.

Проснувшись вечером, Павел не ощутил Боли. Он вышел на балкон и увидел алое солнце, садившееся за старый парк. По небу над кряжистыми дубами, величественными липами и белоствольными берёзами протянулась малиновая полоса.

Павел недолго любовался закатом – солнце быстро скрылось за парком. Желудок снова пронзила Боль.

Тут зазвонил телефон.

– Привет! Что делаешь? – поинтересовался Олег, школьный друг Павла.

– Любуюсь закатом. Закат в городе чудо, как хорош! – сказал Павел.

– Это потому, что твои окна выходят на парк. Выходили бы они на трубу котельной, как у меня, тебе бы нравилось больше смотреть на экран телевизора, а не на закат.

– Закаты и этот парк – то небольшое, что у меня осталось.

– Не хандри. Лучше включи седьмой канал и посмотри передачу. Там мужик рассказывает, как вылечил рак желудка. В прошлом году он уехал в деревню и там целый месяц ел только землянику и пил парное молоко. Теперь вот уже год, как без онкологии живёт. Вот и тебе хорошо было бы уехать подальше из города в глухомань на четыре недели, – посоветовал Олег. – Набьёшь днём пузо земляникой, потом посидишь на крылечке деревенской избы. А на ночь молочка парного кружку выпьешь. Красотища! Да и закаты в деревне намного красивее, чем в городе. Не сдавайся! Ты ещё вполне можешь победить рак.

– Не произноси это слово! – попросил Павел. – Как его услышу, мне сразу становится хуже.

– Плюнь на всё и поезжай! – продолжал вещать Олег, не обращая внимания на жалобы друга.

– Да куда же я поеду? У меня не то, что избы в деревне, даже садового домика нет.

– А родственники, друзья или знакомые в деревне есть?

– Нет. Один я. Вот только ты у меня, единственный друг, да Наталья... Была.

– Тогда у меня есть предложение. Я свяжусь со своим дедом Игнатом, который живёт в деревне в полутора сотнях километрах от Красноярска. Он тебя с радостью примет. Хотя ему уже шестьдесят пять лет, но он ещё бодрый мужик, да и собеседник интересный – много охотничьих и рыбацких историй знает.

– Не утруждай ни его, ни себя. Я никуда не хочу ехать.

– Всё-таки я тебя к нему отправлю. Старик обрадуется – ведь он один живёт. Сейчас середина мая. Как раз, через месяц начнёт поспевать земляника. На природе восстановишь силы. А, главное – душа отдохнёт... Ладно. Жди звонка, – не допуская возражений тоном произнёс Олег.

Павел на некоторое время задумался, а потом сказал:

– Ладно, поговори со своим дедом. Может, действительно на природе покидать этот мир мне будет легче.

– Выброси из головы свои хмурые мысли. До встречи! Я завтра же тебе позвоню, – пообещал Олег.

«Олег – настоящий друг. Вот только жаль, что зря он старается. Болезнь меня не оставит. А вот поехать на природу надо. Хотя бы детство вспомню, когда каждое лето я отдыхал за городом, на даче», – размышлял Павел.

Он сделал себе обезболивающую инъекцию, а потом снова вышел на балкон и полной грудью вдохнул вечерний воздух, пропитанный густым пряным ароматом сирени и нежным

благоуханием яблоневого сада. Павлу было грустно расставаться и с городскими закатами и даже, и с шумом и суетой большого города, к которым он уже привык. Но, при этом, покинув город, он забудет про надоевшую клинику и изматывающие процедуры, которые лишь оттягивали приближение его смерти. Профессор, наблюдавший его в клинике, обещал ему, в лучшем случае, ещё полгода жизни.

Павел вернулся в комнату и прилёг на диван. Резь в желудке утихла. Он вдруг представил, что ему удастся на некоторое время убежать от Боли, которая не успеет за улетающим самолётом. Он даже улыбнулся такой наивной мысли.

Павел взял пульт и включил телевизор. В новостной передаче показали мёртвых пчёл на пасеке в Словении. Потом корреспондент сообщил о гибели пчёл во Франции. Профессор-биолог из Лиона беспомощно разводил руками и растерянно комментировал гибель домашних пчёл в Европе и во всём мире. Затем диктор сказал, что пчёлы во многих уголках Земли стали вести себя чрезвычайно агрессивно. В Башкирии на людей напали домашние пчёлы, которые изжалили насмерть более ста человек. В Индии пчёлы не оставили в живых никого из жителей деревни, близ которой располагалась пасека.

Павел задумался. Раньше подобные сообщения об агрессивном поведении пчёл были редкостью.

Он выключил телевизор и успел провалиться в сон прежде, чем вернулась Боль. Во сне ему приснились огромные пчёлы, летавшие над необычными красивыми цветами.

Утром он проснулся. Действие обезболивающего препарата закончилось, и снова вернулась Боль. Павел направился в ванную комнату. Там он с трудом заставил себя взглянуть в зеркало. На него смотрел худой человек с редкими седыми волосами. Нос его заострился, а некогда голубые глаза приобрели мутный серый цвет. Ему стало неприятно смотреть на своё отражение. Он быстро побрился и вышел из ванной комнаты.

Раздался звонок. Павел открыл дверь и увидел Наталью. На ней был синий брючный костюм. Она была настроена решительно. Отстранив Павла и скинув туфли, гостя молча прошла в комнату. Павел закрыл дверь и последовал за ней.

– Привет! – плюхнувшись в кресло, бросила Наталья.

– Здравствуй! – сказал Павел и прилёг на диван.

Он невольно залюбовался стройной фигурой, волнистыми тёмными волосами и миндалевидными зелёными глазами Натальи.

Гостя закинула ногу на ногу и закурила. И тут Павел почувствовал её равнодушие к нему и к его Боли. Она не поцеловала его и не произнесла ему ни одного ласкового ободряющего слова. Он заметил её отчуждённый взгляд и стал смотреть в потолок.

– Я пришла серьёзно поговорить с тобой. Пора подумать о документах на квартиру, – вкрадчивым голосом проговорила Наталья.

– Ты имеешь в виду завещание? – прямо спросил Павел.

– Да, – сказала Наталья.

– Но ведь я ещё не умираю, – проговорил Павел.

– Потом будет поздно. Ведь у тебя никого нет ближе меня, правда, милый?

Слово «милый» она произнесла насмешливым тоном.

– Врач сказал, что у меня ещё есть полгода. Сначала я съезжу в деревню, в Сибирь, – сообщил Павел.

– Ты с ума сошёл! – почти взвизгнула Наталья.

– Олег посоветовал мне отдохнуть на природе.

– Твой Олег – кретин! – закричала Наталья.

– Он мой друг. И желает мне только добра.

– Я поняла, что с тобой сегодня бесполезно разговаривать, – заявила Наталья.

Она поднялась и вышла, громко хлопнув дверью.

Павел тяжело вздохнул. Наталья не удосужилась даже принести с собой еды, не говоря уже о малой частице тепла и участия. Как же изменилась его любимая после того, как к нему пришла Боль!

Павел снова провалился в тревожный сон, который прервал очередной звонок в дверь. Павел содрогнулся, представив, что это вернулась Наталья. Покачиваясь, он встал с дивана, подошёл к входной двери и открыл её.

Перед ним стоял широкоплечий лысый человек. Это был Олег. В руке он держал большую сумку.

– Ты почему в глазок не смотришь, и сразу распахиваешь дверь? – строго спросил гость и пожал другу руку.

– Кому нужен я и мои убогие пожитки? – махнул рукой Павел.

– Ты, может быть, и не нужен, а вот твоя квартира очень даже нужна, – сказал Олег.

Поставив сумку на тумбочку в коридоре, Олег прошёл в комнату и сел в кресло.

– Снова Наталья приходила?

– Как ты догадался?

– Я видел её на автобусной остановке неподалёку от твоего дома. К тому же, в комнате ощущается запах табака. Наверно она требовала подарить или завещать ей квартиру? Какой у неё к тебе теперь может быть интерес, кроме твоей жилплощади?

– Ты прав. Наталья просит составить на неё завещание, – сказал Павел и опять прилёг на диван.

– Тебе рано думать о завещании. Лет через сорок тебе, может, и потребуется завещание. На своих детишек его оформишь, – сказал Олег.

– Каких детишек? Теперь поздно о детях мечтать. Наталья вообще от меня шарахается.

– Ты о ней постепенно забывай. Найдёшь в Сибири молодую деревенскую красавицу, и заживёте с ней после того, как поправишься.

– Ты веришь, что можно победить рак на такой стадии?

– Если бы не верил, не говорил бы о тебе с дедом Игнатом. Кстати, он с нетерпением ждёт тебя. Собирается с тобой порыбачить на реке. Он уже снасти готовит.

– Какой из меня рыбак? Меня теперь и малый карасик за собой в реку утянет!

– Ерунду говоришь. Надо только поверить в свои силы и в выздоровление. И всё!

– Слушай, а что это ты про молодую деревенскую красавицу заговорил? – оживился Павел. – Я думал, в деревнях только старухи остались?

– Там в деревнях ещё и молодые девушки живут, – уверил друга Олег. – Закажешь билет на самолёт до Красноярска на середину июня. Раньше дед Игнат не может тебя принять. Он сам улетает в Сочи на месяц. Его друг, который в городе живёт, приобрёл для него путёвку в санаторий.

– Твой дед Игнат молодец!

– Он-то молодец, а вот ты зря постоянно лежишь. Вставай, чайку попьём. Я в коридоре сумку с продуктами оставил.

– А от Красноярска до деревни деда Игната далеко добираться? – поинтересовался Павел.

– Сначала на автобусе полторы сотни километров по шоссе, а затем ещё десяток километров на попутке по грунтовой дороге. Я потом тебе дам адрес деда Игната.

Потом друзья пили чай с бутербродами. Точнее, ел бутерброды и запивал их чаем только Олег, а Павел лишь прихлёбывал чай.

Проводив друга, Павел снова остался наедине со своей Болью...

Потянулись долгие дни и ночи. Боль не уходила, но каждый вечер красивые закаты радовали его.

Раз в неделю, он выходил из дома, чтобы купить продукты и посетить клинику. Старый седой профессор смотрел на него с трудно скрываемым сочувствием. Павел всё понимал и не расспрашивал о результатах своих анализов. Хотя Павлу не становилось хуже, но и улучшения не было. Профессор всякий раз рекомендовал ему пройти очередной курс химиотерапии. Павел просил подождать. Старый доктор не знал, что пациент замыслил побег в Сибирь, к деду Игнату.

Так прошёл месяц. За два дня до вылета его навестил Михаил Печёнкин сотрудник лаборатории, которой он руководил. Это был рыжеволосый молодой человек с внимательными серыми глазами.

Встретив гостя, Павел сел на диван. Печёнкин, не выпуская из рук прозрачную папку с бумагами, сел в кресло напротив него.

– Павел Витальевич, я провёл серию экспериментов, связанных с изучением влияния на здоровье пчелиной семьи различных мелодий. Так вот, мне удалось подобрать музыку, при которой поражённые вирусом апимортоза пчёлы выздоровели. Механизм этого процесса ещё предстоит изучить. Скорее всего, звуки определённой частоты, интенсивности, тембра и тональности воздействует на организм пчелы, побуждая её иммунную систему интенсивно сопротивляться болезни. Пожалуйста, ознакомьтесь с отчётом о своей экспериментальной работе, – попросил Печёнкин и протянул Павлу папку с бумагами.

Павел принялся читать отчёт, написанный мелким неровным почерком. Текст во многих местах оказался перечёркнут и переписан заново. Графики были изображены криво. Павел поморщился. Ему не нравилась небрежность в работе. Впрочем, раньше он с интересом прочитал бы ненадлежащим образом оформленный отчёт, но сейчас ему было не до этого. Его снова начала одолевать сильная Боль. Он не стал вдаваться в подробности отчёта и возвратил работу Михаилу.

– Советую напечатать отчёт и представить его в нормальном виде на заседание Учёного совета, – предложил Павел.

– Хорошо. Я подготовлю отчёт к двадцатому июня, – пообещал Печёнкин.

– Неужели для этого понадобится так много времени? – удивился Павел. – Ведь уже все данные есть. Надо только подготовить таблицы и графики и аккуратно напечатать текст. Разве нельзя было сразу подготовить отчёт на компьютере?

– Так ведь я ни на минуту не мог отойти от улья – наблюдал за поведением пчёл, когда рядом с ульем играла музыка. Отчёт писал на коленях, – оправдывался Михаил. – Как же пчёлки теперь бодро гудят в своём улье! Уже три дня прошло, как они выздоровели. А ведь эти пчёлы совсем недавно серьёзно болели, едва лапками шевелили.

– И какая же музыка столь благотворно повлияла на пчёл? – поинтересовался Павел.

– Эта жизнеутверждающая мелодия написана неизвестным мне автором. Кажется, его фамилия Свенссон. Периодически в той мелодии слышен звон колокольчиков.

– Ты исследовал пчёл на предмет наличия вируса апимортоза перед началом эксперимента и после его окончания? – поинтересовался Павел.

– Конечно.

– Всё же, мне непонятно – неужели понадобится так много времени, чтобы исправить отчёт? – поинтересовался Павел.

– Просто мне будет некогда. Ведь в середине июня мне ещё предстоит лететь в Красноярск на научную конференцию. Я должен подготовиться к выступлению на ней.

– Неужели ты полетишь на конференцию? – оживился Павел.

– Вы уж извините, но ваш заместитель – Иван Петрович направил в Красноярск меня. Он сказал, что вы не сможете туда полететь. Ведь вы серьёзно больны.

– Отчего же не смогу? Вполне мог бы полететь.

– Но это не я решаю.

– Миша, давай посмотрим на закат, – предложил Павел.

Они вышли на балкон.

– Сегодня удивительный закат. Солнце над парком необычное – янтарное, словно пропитано мёдом. А в последнее время солнце по вечерам было красным, – сказал Павел.

– Возможно, это происходит потому, что сегодня над городом не стоит смог, – предположил Печёнкин.

– А я думаю, что солнце будто налилось мёдом, приветствуя твой успех в борьбе с апи-мортизом.

– Вы романтик, Павел Витальевич!

– Я каждый вечер восхищаюсь чудесными закатами над городом, – сказал Павел.

Когда солнце скрылось за лесом, хозяин и гость вернулись в комнату.

– Расскажи, что происходит в нашей лаборатории? – поинтересовался Павел.

– На нашем опытном участке при лаборатории находились четыре пчелиные семьи. Одна недавно погибла из-за банального меланоза, а три другие заболели апимортизом. Один рой мне удалось вылечить. А вот больные пчёлы в последнее время стали агрессивными. Они покусали нескольких сотрудников. Теперь в лабораторию приходится заходить только в защитной одежде. Кстати, ваш защитный комбинезон висит в шкафу, на своём месте, – рассказал Михаил.

– Молодец! Так держать!

– Павел Витальевич, я сделаю доклад в Красноярске о результатах своих экспериментов.

– Непременно сделай, – поддержал Павел коллегу.

Павел проводил гостя и снова расположился на диване. Он долго не мог заснуть. Павлу передалась увлечённость работой Печёнкина, и он захотел вернуться в лабораторию и работать. Он даже на время забыл о Боли, но она тут же напомнила о себе резкими всплесками в желудке. Он сделал себе обезболивающий укол. Спустя полчаса Боль ушла, и он уснул. На этот раз сновидения его не посещали.

Утром позвонил Печёнкин и сообщил о резко возросшей агрессивности пчёл, заражённых апимортизом.

Павел решил немедленно ехать в лабораторию. Он вызвал такси, быстро оделся, подошёл к зеркалу и ужаснулся, увидев, как на нём висит одежда.

Павел вышел на улицу и сел в такси.

Возле входа в лабораторию, расположенную в центре Ботанического сада, его встретил взволнованный Печёнкин.

– Пару часов назад заражённые апимортизом пчёлы из двух ульев, которые были изолированы противозумовыми экранами, набросились на здоровых особей, и те все погибли. На проявивших агрессию пчёл не воздействовала чудодейственная мелодия. Все мои труды напрасны! Когда я снова смогу провести подобный эксперимент? На опытный участок страшно зайти без защитной одежды, – сообщил Михаил.

– Какие меры безопасности предприняты? – спросил Павел.

– Раздвижная крыша над опытным участком закрыта. Мы не допустим вылета агрессивных заражённых пчёл за пределы лаборатории. А что делать дальше, никто не знает. Ваш заместитель вылетел утром в Башкирию. Там ситуация критическая. Уже десятки людей погибли в результате нападения на них пчёл, заражённых смертоносным вирусом. В предсмертной агонии инфицированные домашние пчёлы стали нападать не только на людей и животных, но и на диких пчёл. И какими бы сильными и выносливыми ни были их дикие собратья, домашние пчёлы их уничтожают. На Земле скоро не останется пчёл. Ведь в итоге поражённые опасным вирусом пчёлы тоже погибают. И такое происходит не только в Башкирии, но и на всей планете. Вирус апимортиза совсем недавно стал вызывать приступы агрессии у заражённых пчёл

перед их гибелью. Вначале заражённые пчёлы, как это бывало и раньше, становятся вялыми, но теперь за несколько часов перед смертью, они проявляют невероятную агрессию. Скоро последние оставшиеся на Земле пчёлы погибнут, – рассказывал Печёнкин, когда они с Павлом направлялись в лабораторию. – Полагаю, что по неизвестной причине произошла мутация вируса апимортоза, и он стал вызывать у заболевших пчёл повышенную агрессивность во время предсмертной агонии. Впрочем, несмотря на эти неприятные события, как я уже говорил, мне удалось вылечить пчелиную семью. Пчёлы были здоровыми трое суток, и при этом не проявляли агрессию.

– Принеси мой защитный комбинезон, – попросил Павел. – Пойдём на опытный участок.

– Сейчас, Павел Витальевич! – Печёнкин вытащил из шкафа белый комбинезон из плотной ткани и широкополую шляпу с лицевой сеткой.

Павел надел защитный комбинезон с нашивкой над правым карманом с надписью «П.В. Смирнов». Комбинезон оказался слишком свободным для него.

«Как же я похудел!» – испуганно подумал Павел.

Печёнкин также облачился в защитную одежду.

К Павлу вернулась Боль в желудке. Пересиливая себя, он направился на экспериментальный участок. Пройдя через турникет мимо бесстрастно смотревшего телевизор дежурного охранника, и открыв стеклянную дверь, Павел и Печёнкин оказались на опытном участке, представлявшем собой павильон с газоном и раздвижной прозрачной крышей. На участке стояли десять ульев, большинство из которых, пустовали. Возле стены стояла звуковая аппаратура.

Возле двух ульев, от которых исходил угрожающий резкий отрывистый гул, стояли сотрудники в защитных комбинезонах. Несмотря на то, что лица были закрыты сетками, Павел узнал Дмитрия, Кирилла и Веру.

– Добрый день! – приветствовал Павел сотрудников.

– Здравствуй, Павел Витальевич! Как хорошо, что вы поправились! – обрадовалась Вера – миловидная молодая женщина с каштановыми волосами.

– Мне вряд ли удастся победить болезнь. Однако я решил провести лабораторию. Слышал, у вас возникли проблемы, – сказал Павел.

– Да, проблемы появились. И день сегодня не совсем добрый, – вздохнув, сказал высокий худощавый Дмитрий, державший в руке дымарь.

– Михаил уже сообщил мне об ужасной гибели выздоровевшей пчелиной семьи. Что думаете делать? – поинтересовался Павел.

– Мнения разделились. Вера считает, что надо продолжить наблюдение за больными пчёлами, а мы с Кириллом собираемся их уничтожить, – сообщил Дмитрий. – Пчёлы стали слишком опасны перед своей гибелью от апимортоза.

– Но ведь ещё можно попытаться вылечить эти два роя. Правда, Миша? – обратилась к Печёнкину Вера. – Ведь мелодия, которую ты проигрывал пчёлам, способна творить чудеса.

– К сожалению, я не мог знать, что с выздоровевшими пчёлами расправятся больные особи, – вздохнув, сказал Печёнкин. – Кстати, теперь противошумовые экраны убраны. Можно включить музыку и попытаться вылечить этих агрессивных пчёл.

– Пчёлы всё время норовят вылететь и гудят необычно – резко и прерывисто, – сказал Дмитрий и поднёс дымарь к летку, из которого попыталась вылететь пчела.

Пчела всё же прорвалась сквозь дымовую завесу и стала носиться над головами людей. Рой в улье угрожающе загудел.

– Дымом этих пчёл не удастся успокоить, – сказал Кирилл – широкоплечий юноша.

– Ты прав, Михаил, включай музыку! – попросил Павел, и тут же резкая Боль скрутила его желудок. У него закружилась голова, и подкосились ноги. Печёнкин не дал ему упасть, подержав его под локоть.

– Что с вами, Павел Витальевич? – встревожилась Вера.
– Душно стало, и голова кружится, – проговорил Павел и, сорвав себя шляпу с лицевой сеткой, швырнул её на газон.

– Здесь опасно находиться без сетки, – заволновался Печёнкин и повёл Павла к двери. Кирилл подобрал шляпу и направился следом за ними. Пройдя мимо охранника, Печёнкин усадил Павла на стул, стоявший в помещении охраны.

– Принести воды? – взглянув на побледневшего шефа, спросил Кирилл.

Павел кивнул.

– Нужен валидол? – спросил Печёнкин.

– Сердце у меня в порядке. Просто от духоты мне плохо стало в этом костюме, – прохрипел Павел. – Не переживайте, мне уже лучше.

Кирилл принёс стакан холодной воды. Павел выпил воду и попросил:

– Надо предупредить Дмитрия, чтобы он не пользовался дымарём. Пусть закажет переносные водные распылители. И вентиляцию срочно включите, а то на участке нечем дышать.

В этот момент послышался пронзительный женский крик. Все, даже равнодушный охранник, взглянули через стеклянную дверь на опытный участок.

Вера бежала к выходу, размахивая руками. Незадолго до этого летавшая по павильону пчела забралась ей под лицевую сетку и ужалила в шею. Девушка взмахнула руками и случайно сдвинула крышку улья, из которого вырвался рой. Дмитрий не успел направить дым во второй улей, и из него тоже вылетела пчелиная семья. Каждый из двух зловеще гудящих пчелиных роёв выбрал свою жертву.

Ощувив острую боль от укуса, Вера инстинктивно сорвала с себя шляпу с сеткой. Гудящий рой облепил голову несчастной женщины, и она упала. Дмитрий отступал к стеклянной двери, размахивая над собой дымарём.

Растерявшиеся Михаил и Кирилл застыли. Охранник вытаращил глаза, лихорадочно соображая, насколько плотно подогнаны стеклянные двери. Лишь Павел сохранил хладнокровие. Он встал, подошёл к пульту, возле которого сидел охранник, и нажал сначала на тревожную красную кнопку, расположенную на пульте перед охранником, а затем – на синюю кнопку. Взвыла сирена, и множество мелких водяных струй ударили из стен павильона. За завесой из брызг стало плохо видно, что творится на опытном участке.

– Открывай дверь! – закричал Павел на оторопевшего охранника.

– Но после включения сигнала тревоги дверь была автоматически заблокирована, – проговорил охранник.

Павел подошёл к стеклянной двери и ударил её ногой. Толстое стекло не поддавалось. Тогда Печёнкин схватил висевший на стене огнетушитель и с силой обрушил его на дверь. Стекло треснуло. Михаил ещё несколько раз нанёс удар по двери, и стекло рассыпалось.

Михаил и Кирилл кинулись к неподвижно лежавшей Вере, по которой ползали мокрые пчёлы. Молодые люди скинули с Веры пчёл и понесли её по коридору. Дмитрий, не выпуская из рук дымарь, шёл сам, стряхивая с одежды мокрых пчёл, которые падали на пол.

Рядом с Дмитрием шёл потрясённый происшедшим Павел.

– Кажется, пчёлы дышат, – сказал Дмитрий. – Однако они успели натворить дел.

– Вызывай Скорую Помощь! – крикнул Павел суетливо бежавшему за ними охраннику.

Веру внесли в один из кабинетов и уложили её на диван.

– Она не дышит! – с ужасом произнёс Михаил.

Прибывший врач Скорой Помощи делал Вере уколы и массаж сердца. Но всё было тщетно. Санитары положили Веру на носилки, накрыли белой простынёй и унесли.

Павел стоял посреди кабинета и беззвучно плакал. Печёнкин и Кирилл усадили его на стул. В кабинет зашли сотрудники лаборатории. Всхлипывавшие женщины принялись совать под нос Павлу пузырьки с пахучими препаратами.

Спустя полчаса в кабинет зашли два человека в чёрных костюмах.

– Мы расследуем происшествие. Вы Павел Витальевич Смирнов? – предъявив Павлу удостоверение, спросил один из вошедших.

– Да, это я.

– Вы начальник лаборатории?

– Да, – ответил Павел.

– На удивление быстро отреагировали следственные органы, – тихо произнёс один из лаборантов.

– Павел Витальевич, нам надо задать вам несколько вопросов. Расскажите, как в вашей лаборатории соблюдаются правила техники безопасности? – спросил второй человек в чёрном костюме.

Павел ничего не ответил.

– Вы разве не видите, что Павел Витальевич серьёзно болен? – спросила одна из сотрудниц.

– Тогда почему он находится на территории института? – удивился первый следователь и спросил:

– Кто проводил эксперимент?

– Вообще-то, я занимался исследованиями, которые позволяют... – начал Печёнкин.

– Эксперимент проводил я, – прервав Михаила, сказал Павел.

В это время Дмитрий попросил Печёнкина:

– Миша, проводи меня в медпункт. Меня пчёлы сильно изжалили, – попросил Дмитрий. Михаил и Дмитрий вышли из кабинета.

– Эксперимент проводил я, – твёрдым голосом повторил Павел. – И я потрясён ужасной и нелепой смертью сотрудницы нашей лаборатории. Пчёлы, перед своей гибелью на последней стадии заболевания, вырабатывают смертельно опасный токсин.

И тут Боль вернулась к нему.

– А ведь я о тебе почти забыл, – прошептал Павел и поморщился.

– Вы с кем разговариваете? – удивился первый следователь.

– Сам с собой разговариваю. Если у вас больше нет вопросов...

– Вопросы у нас есть. Почему в вашей лаборатории не соблюдаются правила техники безопасности при проведении опасных экспериментов? – спросил первый следователь.

– Ситуация сложилась необычная. Такого агрессивного поведения от домашних пчёл мы не ожидали. Раньше только дикие пчёлы, обитавшие в Южной Америке, вели себя подобным образом. Яд заражённых вирусом апимортоза пчёл чрезвычайно токсичен и опасен для человека. Сейчас по всему миру происходит нечто подобное в природных условиях. Между прочим, пчёлы, которые атаковали наших сотрудников, уже подошли, – рассказал Павел и попросил:

– Вы позволите мне пойти домой? Я вам ничего больше не смогу рассказать.

– Идите! Только не покидайте пределы города, – сказал первый следователь и протянул Павлу бумагу и ручку:

– Вот здесь распишитесь.

Павел послушно поставил подпись.

– Да куда же он поедет из города? Ведь у него рак, – сказала заглянувшая в кабинет бодрая пожилая уборщица Марья Петровна, стоявшая со шваброй в руках.

– Тогда у меня будет вопрос к вам, – обратился к уборщице второй следователь.

– Вы задавайте вопросы, только быстрее, – попросила Марья Петровна, – а то мне битые стёкла надо убирать и подместидохлых пчёл.

Павел встал со стула и вышел из кабинета.

С трудом перенеся путешествие в душной подземке и переполненном автобусе, уставший Павел ввалился в квартиру, сделал себе обезболивающий укол и лёг на диван. Он вспоминал

события прошедшего дня и остро ощущал несправедливость – он, неизлечимо больной, измученный Болью, человек остался жив, а юная здоровая Вера нелепо погибла.

«Надо предупредить всех сотрудников, чтобы при посещении опытного участка надевали плотно подогнанные защитные комбинезоны, – размышлял Павел. – Хотя какие могут быть теперь советы? Наверняка, теперь исследования прекратят, а лабораторию закроют. И аппаратура после такого сильного душа, возможно, пришла в негодность. Жаль! Похоже, Печёнкин был на верном пути. Плохо, что я точно не запомнил ни одного абзаца текста, ни одной цифры, которые видел в отчёте Михаила. Память стала плохая. Да я и сам уже ни на что не годен».

И тут Павел заметил красный блик на оконном стекле. Он встал и вышел на балкон. Впервые он равнодушно смотрел на малиновый солнечный диск, опускающийся за парк.

Услышав звонок, Павел вернулся в комнату. В телефоне он услышал голос Дмитрия:

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, нормально, – отозвался Павел. – А как твоё здоровье? Пчёлы тебя сильно изжалили?

– Опухоль на лице и шее уже спала. Со мной всё в порядке... Веру жаль!

– Защитные костюмы и сетку впредь надо надевать плотно.

– Теперь уже не надо. Нашу лабораторию закрыли.

– Я предполагал, что это рано или поздно случится.

– Завтра утром Иван Петрович возвращается из Уфы. Он по телефону ругался и на меня, и на Печёнкина за то, что мы допустили вас на экспериментальный участок. Следователи не успокаиваются. Руководителей института и всех нас допрашивали. Не понимаю, почему они так рьяно взялись за нас, когда по телевизору все новостные передачи начинаются с сообщений о гибели людей от разъярённых пчёл? Во многих странах на разных континентах оставшиеся в живых домашние пчёлы атакуют деревни и посёлки и даже появляются в крупных городах. Пчёлы повсюду жалят людей. Множество несчастных случаев с летальным исходом. Думаю, что сегодняшние допросы в нашем институте неспроста.

– Я тоже так думаю. Скорее всего, наше нынешнее руководство института кому-то не угодило. Но хватит об этом. Лучше расскажи, что сообщают в новостях?

– Повсюду создаются военизированные подразделения, которые занимаются уничтожением пчелиных семей на оставшихся немногочисленных пасеках. Хозяева пасек сопротивляются. Ведь на ранних стадиях распознать апимортоз без лабораторных анализов невозможно. Один пасечник в Швейцарии даже открыл огонь из винтовки по спецподразделению, которое вторглось на его пасеку, – рассказал Дмитрий.

– Как себя чувствует Михаил?

– Он в шоке. Всё твердит, что вы ни в чём не виноваты. Печёнкин очень расстроен. Лаборатория опечатана. Но, при этом Михаил готовится к выступлению на конференции.

– Значит, Печёнкин полетит в Красноярск?

– Михаил сказал, что обязательно полетит. Он не давал подписку следователям. А вас, Павел Витальевич, больше никуда не вызывали?

– Не вызывали. Знаешь, Дима, а ведь я решил устроить побег из этой жизни. Устал я от Боли.

– Вы такие мысли выбросите из головы! – заволновался Дмитрий.

– Ты не понял. Несмотря на подписку, я решил уехать из города. Мне здесь стало тяжело. Я поймал себя на мысли, что перестал радоваться красивым закатам, которые я наблюдал с балкона по вечерам. Теперь меня не держат в городе ни эти закаты, ни работа.

– Но вы так просто говорите об этом по телефону, а между тем...

– Если даже наш разговор прослушивается, это не страшно. Следователи взяли с меня формальную подписку. Они ведь знают, что мои дни сочтены и не станут препятствовать исполнению моего последнего желания – покинуть перед смертью душный суетливый город.

- Вы придёте на похороны Веры?
- Не знаю, – тяжело вздохнув, сказал Павел.
- Ну, всего доброго, Павел Витальевич!
- До свиданья, Дима! Спасибо, что позвонил.

Павел положил трубку и посмотрел в окно. На улице уже сгустились синие сумерки.

– Ну вот, и зашло моё солнышко, – прошептал Павел, Он снова улёгся на диван и провалился в цветной сон, в котором увидел поле. Над розовым клевером кружили пчёлы. Во сне он даже слышал мерный гул, создаваемый крыльшками насекомых-тружениц.

Когда на следующее утро Павел проснулся, перед его окном зависло гудящее тёмное облачко. Он закрыл окно и через стекло стал наблюдать за пчелиным роем, который стал снижаться и скрылся с глаз. Послышались крики соседей снизу. Павел набрал номер телефона городской службы спасения.

– Выезжайте скорее! Пчелиный рой проник в квартиру, расположенную этажом ниже. Там погибают люди! – сообщил взволнованный Павел и назвал адрес соседей снизу.

– За последний час это третий вызов на усмирение взбесившихся пчёл. Мы не можем сказать, когда сможем к вам выехать. Вроде бы, почти все пчёлы уже передохли или готовились сдохнуть, а теперь откуда-то снова появились, – ответил дежурный.

Павел прислушался. Криков из нижней квартиры не было слышно.

– Похоже, что уже не надо спешить. Там всё стихло, – проговорил потрясённый Павел и, положил трубку.

Тут же снова раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, Павел Витальевич! – сказал Печёнкин.

– Здравствуй, Миша! Как дела? – осведомился Павел. – Слышал, что ты сильно переживаешь из-за трагедии на опытном участке.

– Ну, да, я переживаю... Как ваше здоровье, Павел Витальевич? – спросил Печёнкин.

– Как обычно.

– А у меня началась депрессия, – признался Печёнкин. – Ведь меня тоже допрашивали. Следовательно со всеми сотрудниками лаборатории беседовали. А инженера по техники безопасности даже с собой увели. Говорят, начальника нашего института уже сняли с должности.

– Что ещё произошло в институте? – поинтересовался Павел.

– У всех сотрудников лаборатории изъяли материалы, связанные с экспериментами. А ведь мы были почти у цели и скоро могли остановить распространение апимортоза. Но я всё равно со своим докладом полечу в Красноярск. Я всю ночь готовил тезисы доклада для выступления на конференции, а вот оформить отчёт, как вы просили, не успел. Правда, в тезисах приведены общие положения, а основные данные содержатся в моём отчёте. Я его возьму с собой. Пусть отчёт сырой и написан от руки, но при выступлении на конференции я именно из него буду приводить важные сведения.

– Когда вылетает самолёт?

– Сегодня днём.

Павел задумался. Ведь он тоже летел сегодня дневным рейсом в Красноярск.

– Почему замолчали, Павел Витальевич? Вам плохо? – забеспокоился Печёнкин.

– Нет. Просто подумал о твоём отчёте.

– Да оформлю я его, как положено! Как только вернусь, сразу им займусь, – пообещал Михаил.

– Удачи тебе, Миша!

– Выздоровливайте! Всего вам доброго!

Павел стал готовиться к поездке. Он заказал такси, в кожаный чемодан положил сменное бельё, пять пар носков, несколько упаковок шприцев, ампулы с болеутоляющим препаратом

и бутылку дорогого коньяка, который взял в качестве подарка для деда Игната. Затем Павел надел камуфляжную куртку и брюки и вышел из дома.

В зале ожидания аэропорта Павел заметил Печёнкина. Он не стал подходить к Михаилу. Увидев своего начальника в аэропорту, мнительный Печёнкин мог предположить, что Смирнов бежит из Москвы, испугавшись ответственности.

В самолёте Павел занял своё место в середине салона. Сидя в кресле, он увидел проходившего в хвост самолёта Печёнкина. Павел не окликнул его, а Михаил не заметил Смирнова, так как был погружён в свои мысли. В руках у Печёнкина была толстая кожаная папка. Как догадался Павел, в папке находился отчёт.

– Надо набраться терпения. Нам сегодня придётся долго лететь. Вот месяц назад я летал в северную столицу, так не успели мы взлететь, как уже приземлились, – сказал сосед Павла – одетый в синюю куртку полный круглолицый мужчина с короткой стрижкой ёжиком и маслянистыми карими глазами.

Толстяк сразу не понравился Павлу.

– Хочу заметить, что столиц не может быть две. Нет никакой северной столицы. Столица у нас одна – Москва, – сказал Павел.

– Не вздумайте так сказать в Питере, а то вам не поздоровится! – сказал толстый пассажир.

– Вы не могли бы перестать давить на меня плечом и широко расставлять ноги? – попросил Павел. – С таким весом, как у вас, надо покупать два билета.

Обидевшийся толстяк и не подумал потесниться.

– А на таких тощих, как вы, надо в суд подавать за дискриминационные высказывания в отношении полных людей, – процедил сквозь зубы толстяк.

– Простите меня за несдержанность. Просто я болен и раздражён. У меня онкология, – признался Павел.

На лице у толстяка появился испуг, и он сразу же отодвинулся от соседа. При этом его плечи лишь немного сместились в сторону, а огромный живот заколыхался.

– Ещё неизвестно, возможно, рак заразен. Как только таким больным продают билеты? – прошипел толстяк.

– Вас не спросили! – буркнул Павел и стал смотреть в иллюминатор.

Самолёт начал разгон и оторвался от взлётной полосы. Полёт проходил нормально. Павел, невзирая на ноющую Боль, задремал, а проснулся оттого, что толстяк стукнул его локтем в бок.

– Что такое? – спросонья не понял Павел. – Зачем вы меня разбудили?

– Мы падаем! – сообщил толстяк.

– Издеваетесь? – нахмурился Павел.

– У меня есть подозрения, что скоро случится катастрофа.

– Пожалуйста, пересадите меня! Мой сосед мне мешает, – попросил Павел проходившую мимо стюардессу.

– У нас не автобус, все места заняты, – ответила стюардесса.

– Что-то происходит с двигателями. Я в этом разбираюсь, – сказал толстяк.

Самолёт трянуло.

– Что я говорил! Мы сейчас разобьёмся! – закричал толстяк.

– Успокойтесь! Сейчас я узнаю у пилотов, что происходит, – пообещала стюардесса и направилась в сторону кабины пилотов.

– Вы трус! – сказал Павел соседу.

Толстяк покосился на Павла и пообещал:

– Будешь выступать, могу и врезать! Не посмотрю, что ты больной, – пообещал толстяк. – У меня коричневый пояс!

– Вряд ли вы занимаетесь карате, – внимательно посмотрев на соседа, сказал Павел. – Судя по вашим габаритам, вы борец сумо.

Толстяк побагровел, сжал кулаки, на лбу его вздулись жилы. От возможной расправы Павла спасла возвратившаяся стюардесса.

– Не волнуйтесь! Командир просил передать, что ситуация находится под контролем, – улыбнувшись, сообщила стюардесса. – Правда, из-за грозового фронта, пришлось изменить курс. А ещё только что едва не произошло столкновение со стаей крупных птиц.

– Вот в чём дело! Птицы могли попасть в двигатели, – предположил толстый пассажир.

– Сразу в оба двигателя? Это исключено, – сказала стюардесса и удалилась.

– Не создавайте панику! – попросил Павел.

– Известны случаи, когда одновременно в оба двигателя попадали крупные птицы, – сказал толстяк.

– И чем же всё заканчивалось?

– Бывало по-разному, – хмуро проговорил толстяк.

В этот момент самолёт резко накренился. Многие пассажиры закричали. Павел взглянул в иллюминатор и сказал:

– Мы действительно снижаемся, а внизу не видно аэродрома. Только тайга.

– Сохраняйте спокойствие! Пристегните ремни. Мы совершаем экстренную посадку, – объявила стюардесса.

– Где мы? Куда мы совершаем посадку? Это не посадка! Мы терпим крушение над тайгой! – завопил толстяк.

– Судя по всему, мы на самом деле падаем, – спокойно произнёс Павел.

– Всё ясно! – взвизгнул толстяк. – Это крушение!

Павел закрыл глаза, и перед его мысленным взором возникли картины его детства, быстро сменявшие одна другую. Череду прекрасных видений резко оборвала. Самолёт стало трясти ещё сильнее. Голова Павла моталась из стороны в сторону. Он подумал, что сейчас его не станет и тогда Боль навсегда покинет его.

Павел ощутил сильный удар. Послышался громкий треск. И тут же наступила тишина...

Павел открыл глаза и расстегнул ремень. Рядом собой он увидел толстяка, который кряхтел и, размахивая руками, пытался встать с кресла. Наконец, толстяк поднялся и пошёл в конец салона, к зияющему проёму. Павел пошёл за ним. Они проследовали мимо застывших в креслах пассажиров. Все они были мертвы. Некоторые места пустовали. Павел догадался, что многие пассажиры выпали из самолёта, когда у него отломилась хвостовая часть фюзеляжа.

Глава 2. В тайге

Толстяк подошёл к месту, где отвалилась хвостовая часть самолёта, и плюхнулся в речку с ледяной водой и каменистым дном. Павел тоже прыгнул в воду, которая доходила ему до пояса.

Они вышли на берег и оглянулись. Самолёт без хвостовой части лежал в мелководной речке.

– Передняя часть самолёта сильно смята. Похоже, никто, кроме нас не выжил. Радуйся, тщедушный! Нам с тобой, придурок, невероятно повезло, – сказал толстяк.

– Сам ты придурок! – обиделся Павел. – Между прочим, меня зовут Павлом.

– А я Анатолий.

– Почему я выжил? Ведь я, наверно, был единственный тяжелобольной пассажир на борту самолёта, – сокрушённо покачав головой, проговорил Павел.

– Значит, такая у тебя судьба. Да не убивайся ты так! Или на борту находились твои знакомые?

– В этом самолёте летел мой юный коллега – биолог Михаил Печёнкин. У него с собой был важный отчёт. Он сидел в конце салона. Сейчас я Михаила не видел. Наверно он выпал из самолёта.

– Как думаешь, нас найдут, если мы останемся возле самолёта? Ведь спасатели уже должны были вылететь на поиски самолёта, – предположил Анатолий.

– Вылететь-то они, может, и вылетели, а вот найти нас будет не так просто, – сказал Павел.

– Почему? Ведь самолёт лежит в речке. Тайга к нему вплотную не подступает, и его можно заметить с воздуха.

– Нас быстро отыщут, если самолёт незначительно отклонился от курса. В противном случае нас могут никогда не найти. Тайга слишком велика, а селений в ней мало. Нам повезёт, если на нас наткнутся охотники или геологи, – сказал Павел.

Толстяк занервничал. Он достал из кармана мобильник, прислонил его к уху и растерянно произнёс:

– Молчит. Похоже, здесь нет связи.

– Может, в кабине уцелела рация? – предположил Павел.

– Вряд ли, кабина смята... Интересно, где мы сейчас находимся?

– Даже приблизительно трудно определить наше местонахождение.

– Никогда не попадал в такую передрагу, – упавшим голосом произнёс Анатолий.

Самоуверенный и наглый толстяк теперь был растерян и подавлен.

– У нас два выхода – ждать спасателей или идти по тайге, – сказал Павел.

– Куда идти? У тебя хоть есть карта и компас? Места здесь дикие, – сказал Анатолий и с остервенением стал бить ладонью садившихся на лицо комаров и мошек.

– Это верно. Места тут дикие, – согласился Павел. – Слышно только, как гудят комары, да журчит речка.

– Возможно, всё же, удастся выйти к людям?

– Если пойдём вниз по течению реки, можем выйти к какой-нибудь деревне или охотничьей избе.

– Но ведь идти по тайге без оружия опасно.

– В тайге и с оружием небезопасно. У нас мало шансов выжить.

– Как ты хладнокровно произносишь эти слова! Впрочем, тебе с такой болезнью почти всё равно.

Павел никак не отреагировал на эти слова Анатолия. Он смотрел на искрящееся солнце, садившееся за тёмные маковки елей, и думал, что его любимые закаты в городе, при всей их

красоте, не идут ни в какое сравнение с чудесным закатом в тайге. Золотистый, малиновый, алый и багровый цвета огромного солнечного диска сменяли друг друга. Потрясённый завораживающим закатом, журчанием речных струй и пряных ароматов хвои и трав Павел проговорил:

– Как же здесь спокойно и хорошо! Если бы здесь была еда, и не было так много комаров и мошек, то можно было сколь угодно долго дожидаться спасателей.

Анатолий хлопнул себя по щеке, посмотрел на окровавленную ладонь, испачканную раздавленными насекомыми, и, тяжело вздохнув, сказал:

– Нас тут быстро сожрут кровососы.

Павел направился к вещам, раскиданным на берегу.

– Ты куда? – с опаской осматриваясь по сторонам, спросил Анатолий.

– Поищу свою сумку, в которой лежат ампулы с болеутоляющим препаратом и шприцы, – отозвался Павел.

Толстяк последовал за Павлом. Среди камней лежали сумки, чемоданы, а также разноцветные баллончики, тубики и другие мелкие предметы. Павел поднял баллончик с репеллентом, опрыскал свою одежду и кисти рук, а затем передал его Анатолию, который тоже обработал себя едкой жидкостью.

– Тут много бесполезных вещей. Я нашёл два тубика с кремом для загара и один от загара. Зачем они нужны в Красноярске? Это же не курорт, – ворчал Анатолий.

– Летом в Сибири бывает очень жарко, – заметил Павел.

И тут Анатолий воскликнул:

– Ведь это моя сумка!

Он открыл большую синюю сумку, порылся в ней и вытащил банку с тушёнкой и нож.

– Толя, не волнуйся! – тихо сказал Павел, глядя за спину Анатолию.

– Почему я должен волноваться? – удивился толстяк.

– Потому что по тому берегу реки бродит медведь.

Толстяк оглянулся и застыл от изумления. Угрюмо посматривая на людей, к упавшему в речку самолёту направлялся матёрый медведь.

– Плохи наши дела, – прошептал Павел. – Медведь нас не боится. Скорее всего, он раньше не встречал людей. Видно зверь, непуганый охотниками.

Медведь по воде подошёл к покорёженному самолёту и забрался в салон. Павел и Анатолий слышали довольное урчание зверя, доносившееся из самолёта.

– Что он делает? – дрогнувшим голосом спросил Анатолий.

– Похоже, пожирает трупы. Плохо, что он отведал человечины.

– Это ужасно! – прошептал Анатолий, пряча консервную банку в карман куртки.

– Было бы хуже, если бы зверь напал на нас.

– Неужели ему в тайге не хватает еды?

– Медведь предпочитает пожирать несопротивляющуюся добычу.

– Я это учту. Я буду сопротивляться, – забормотал Анатолий, сжимая в руке нож.

– Вот с этим ножиком ты намерен справиться с медведем? Или ты собрался задушить зверя своим коричневым поясом? – насмешливо посмотрев на Анатолия, поинтересовался Павел. – Вообще-то, когда я говорил о несопротивляющейся добыче, то имел в виду падаль, а не застывшего, словно истукан, перепуганного толстяка.

– Заткнись, скелет ходячий!

– Я тебе не завидую, Толик. Сейчас у меня перед тобой большое преимущество.

– О чём ты? – снисходительно посмотрев на Павла, спросил толстяк.

– Как думаешь, кого первым сожрут медведи? Меня, похожего на ходячий скелет, или тебя, аппетитного кабанчика?

– Давай пойдём отсюда, пока медведь не вылез из самолёта, – предложил Анатолий.

Из покорёженного салона самолёта в реку с плеском свалилось человеческое тело. Следом, подняв множество брызг, в воду прыгнул медведь. Хищник склонился над трупом и, довольно заурчав, принялся рвать труп.

– Смотри! – Павел указал рукой на противоположный берег речки. – Сюда направляется медведица с двумя подросшими медвежатами. Сейчас они дождутся, когда медведь закончит свою жуткую трапезу, и сами примутся за еду. Пока не поздно, нам лучше незаметно уйти отсюда.

Преодолев заросли росшей вдоль речки ольхи, Павел и Анатолий углубились в чащу. Пробираться через бурелом было нелегко. К счастью, комары и мошки не донимали путников – репеллент оказался качественным.

– Ты же говорил, что надо следовать вдоль речки – так можно скорее к жилью выйти. А мы теперь тащимся по глухой чаще! – ворчал Анатолий.

– Как видишь, медведи облюбовали берега речки. Наверно, они ловят рыбу. А от медведей нам с тобой надо держаться подальше, – сказал Павел.

Было тихо, только гудели комары. Тишину нарушил донёсшийся издалека вой.

– Кто это воеет? – спросил Анатолий.

– Волки, – определил Павел.

– Этого ещё не хватало! Хорошо, хоть вой доносится издалека.

– Волкам в тайге преодолеть большое расстояние – не проблема. Ты когда-нибудь видел волков на воле или только в зоопарке?

– Только в зоопарке и по телевизору. Я больше не могу идти. Давай отдохнём, – предложил Анатолий.

– Хорошо, – согласился Павел и сел на поваленную ель.

Рядом с ним, пыхтя и покряхтывая, расположился Анатолий. Павел удивился, что он, смертельно больной человек, идёт и почти не устал, а его спутник раскис.

– Как думаешь, нас могут заметить с вертолёта? – спросил Анатолий.

– Даже днём это нелегко сделать, а скоро наступит ночь. Надо разжечь костёр, чтобы нас заметили, – сказал Павел.

– У меня нет ни спичек, ни зажигалки.

– У меня тоже. Это скверно. Скорее всего, нам предстоит провести в тайге не одну ночь.

– Я проголодался, – заявил Анатолий.

Он вытащил из кармана банку с консервами, поставил её на пень и ножом вскрыл её. Громко сопя, толстяк выковырял ножом из консервной банки, наполненной желеобразной массой, обмазанный салом кусок бледно-розового мяса, подцепил его на кончик лезвия и отправил себе в рот. С довольным видом жуя мясо, Анатолий передал ополовиненную консервную банку и нож Павлу. Павел вытащил из банки маленький кусочек мяса, без аппетита прожевал его и проглотил, а затем вытряхнул себе в рот остатки консервов – серое солёное желе и белоснежные ломтики, похожие на кусочки сала.

Закончив скудную трапезу, Павел похвалил своего спутника:

– Толя, ты молодец!

– Мне тоже понравилась тушёнка. Знаешь, как я обрадовался, когда нашёл эту банку!

– Ты не понял. Ты молодец, что открыл банку на этом пне и привлёк к нему моё внимание. Это не простой, а замечательный пень.

– Чем же он замечателен? – удивился Анатолий.

– Тем, что этот пень не гнилой. Ель спилили совсем недавно. Срез свежий. А чуть в стороне лежат ещё зелёные обрубленные еловые лапы. Самой ели нет. А это означает, что здесь побывали лесорубы. Таким образом, можно сделать вывод...

– Что поблизости живут люди! – обрадовался Анатолий.

– Возможно, они живут и близко отсюда. А ещё бывает, что бригаду лесорубов доставляют в тайгу на транспорте. Да только вряд ли здесь работала бригада – похоже, только одно дерево спилено. Вот только куда поволокли бревно?

– К реке. Брёвна можно сплавлять по реке, – заметил Анатолий.

– Возможно. Вот только речка, где остался самолёт, мелководна для лесосплава. Впрочем, поблизости, вполне может быть другая, большая река, – предположил Павел.

– Я знаю, что надо делать – надо кричать, чтобы нас отыскали люди, – предложил Анатолий.

– Пока не стоит кричать. Мы не знаем, что за люди спилили дерево.

– Возможно, ты прав.

– Сейчас уже наступили сумерки, а завтра по примятой траве мы можем определить, куда поволокли спиленное бревно. Надо устраиваться на ночлег.

– Где же здесь можно уснуть? – заволновался толстяк. – Может, заберёмся на дерево? А то волки, помнишь, выли?

– Уж ты заберёшься! С таким весом тебе по земле-то ходить следует осторожно, а не по деревьям лазать. Да и что толку на деревья забираться, когда медведь тоже по стволу легко вскарабкается. А в здешних краях много медведей. Давай рискнём и уснём на еловом лапнике, – предложил Павел.

Они сложили на земле два вороха срубленных еловых веток и легли на них. Наступила ночь. Павел и Анатолий долго прислушивались к далёкому вою волков и уханью филина. Уснули они только под утро.

Когда солнечные лучи пробились сквозь листву деревьев, они проснулись.

Павел обошёл место вокруг пня и по примятой траве определил, куда лесорубы поволокли спиленное бревно.

– Следуй за мной! – сказал Павел и углубился в чащу.

Сонный Анатолий побрёл за ним. Вскоре Павел сказал:

– Слышишь, журчит вода? Впереди река.

Путники вышли к широкой реке. Они стояли на её крутом правом берегу. Противоположный каменистый берег был низкий. Деревья там стояли вдалеке от воды.

– Это не та мелководная речка, в которую упал самолёт. Это большая река, – сказал Анатолий.

– Не такая уж она и большая. По сибирским меркам это речка-невеличка.

Павел направился вдоль берега. Анатолий пробирался за ним следом через заросли низкорослых кустарников. Вскоре путь им преградил ручей, который стекал в реку. Едва они утолили жажду прозрачной прохладной водой, как услышали хрюканье, доносившееся с противоположного берега.

Крупный кабан рылся в земле под высокой елью. Вскоре из зарослей ивняка, неподалёку от кабана, вышел медведь. Этот зверь был немного меньше медведя и медведицы, заявившихся вчера к упавшему самолёту.

Медведь приблизился к кабану сзади. Секач перестал рыться в земле и замер. Медведь подскочил к кабану, ударил его по боку лапой и тут же бросился наутёк. Кабан хрюкнул, развернулся и погнался за обидчиком. Матёрый секач был настроен решительно. Медведь подбежал к большой иве, забрался на неё, удобно устроился в развилке двух толстых горизонтальных сучьев и свесил лапы. Разъярённый секач сначала бегал под деревом, а потом принялся рыть землю. Медведь выбрал момент, когда кабан оказался прямо под ним. Хозяин тайги рухнул на кабана. Раздался визг, после которого всё стихло. Вскоре до людей донеслось урчание медведя, терзавшего секача.

– На том берегу разыгралась очередная таёжная трагедия. Хорошо, что мы находимся далеко от того места, – сказал Анатолий.

– Медведь, который сейчас задрал кабана, умный. У него своя тактика охоты. Ты видел, как он упал на секача с высоты? – спросил Павел.

– Видел, – кивнул Анатолий.

– Наверно, медведь проломил кабану хребет. Вообще медведи очень опасные и коварные хищники.

– Они умеют плавать?

– Умеют.

– Пойдём скорее отсюда! – заторопился Анатолий. – Вдруг медведь нас заметит?

– Медведи в тайге повсюду. Надо искать пристанище, только там мы будем в безопасности. Если пойдём вдоль этой реки, то рано или поздно должны выйти к жилью. Как я говорил, люди обычно селятся по берегам рек.

Они продолжили путь. В березняке, на крутом берегу среди невысокой шелковистой травы, Павел заметил россыпь золотистых лисичек. Он опустился на колени и принялся собирать грибы.

– Живём! Смотри, сколько тут грибов! – восторженно сказал Павел.

– Как мы их приготовим? – поинтересовался Анатолий.

– Будем их есть сырыми, – ответил Павел и принялся жевать лисички.

Анатолий посмотрел на аппетитно жующего спутника и рискнул попробовать гриб. Он поморщился и выплюнул лисичку.

– Без соли я ни в каком виде не буду есть грибы, – категорически заявил Анатолий.

– Уверяю тебя, скоро ты так захочешь есть, что будешь жевать еловые иголки. Кстати, лисички не бывают червивыми. К тому же, в тайге хорошая экология и грибы не пропитаны вредными веществами.

Павел очень хотелось насытиться пряными, но не совсем приятными на вкус сырыми лисичками. Анатолий не мог без содрогания смотреть на своего спутника, ползающего на коленях и набивающего себе рот сырыми жёлтыми грибами, и отвернулся.

Наевшись, Павел лёг на спину в траву и подложил руки под голову.

– Похоже, ты уже готов жить в тайге. Можешь питаться подножным кормом. Как только сырые грибы принимает твой желудок? – изумился Анатолий.

– Сам удивляюсь. Кстати, теперь желудок перестал болеть. Сразу после падения он ещё болел, а потом незаметно боль ушла.

– Возможно, при падении самолёта ты перенёс стресс, твой организм мобилизовал скрытые ресурсы и направил их на выздоровление, – предположил Анатолий.

– Думаю, меня лечит сама тайга.

– Вот ведь как бывает! Ты нашёл спасение в тайге, а мне здесь, видно, суждено сгинуть, – вздохнул толстяк.

В этот момент раздались выстрелы.

– Кажется, началась перестрелка! – сказал Анатолий.

– Это не перестрелка. Из одного ружья кто-то вдалеке стреляет. Звуки выстрелов распространяются над рекой на большое расстояние. Надо продолжать идти вниз по течению реки. Стреляли в той стороне, – определил Павел и, встав с земли, стряхнул мелкие травинки с одежды.

– А вдруг нехороший человек ходит по тайге? – предположил Анатолий.

– Ты становишься осторожным. Это хорошо, – похвалил Павел своего спутника и внимательно посмотрел на него.

Анатолий осунулся. Его налитые щёки обвисли. В его глазах не осталось и следа от нахальства, от которого, в первые минуты их знакомства на борту самолёта, Павла трясло.

– Дальше пойдём молча. Старайся ступать осторожно, чтобы под ногами не хрустели сухие ветки, – сказал Павел.

Стало жарко. Анатолий скинул куртку и тут же за это поплатился. Беспощадные комары набросились на него и покусали через потную синюю рубашку. Толстяк быстро исправил ошибку – снова накиннул куртку и побрёл, изнывая от зноя и вытирая со лба пот.

Они ещё немного проследовали по краю обрыва. В том месте, где река круто поворачивала вправо, на небольшой поляне, в сотне метров от крутого берега, Павел заметил избушку с покрытой дранкой крышей и кирпичной печной трубой. За избой стоял сарай, завалившийся на одну сторону.

– Ты можешь не исполнять дикарский танец и громко не кричать, когда я сообщу тебе хорошую новость? – спросил Павел.

– Что за странный вопрос? Потихоньку сходишь с ума? – проворчал Анатолий.

– Предупреждаю, чтобы ты не слишком бурно выражал свою радость. Посмотри: за деревьями, на поляне, стоит избушка, – сказал Павел.

– Не может быть! – прошептал Анатолий. – Жильё!

Они приблизились к избе, возле одной из стен которой лежали несколько еловых брёвен. Павел потрогал спил одного из них и сказал:

– Срез сырой, и смола выступила. Хозяин избушки заготовил свежие брёвна. Наверно, и ту ель, от которой остался пень и свежий зелёный лапник, он спилил и сюда приволок. Здесь повсюду берёзы да осины растут, вот ему и пришлось еловое бревно из дальнего ельника тащить. Видно, сарай решил новый строить.

– Крепкий мужик здесь живёт, если такое бревно издалека дотащил, – отметил Анатолий.

Павел подошёл к покосившемуся крыльцу. Дверь была закрыта на небольшой ржавый замок.

– Здесь замок, – сообщил Павел.

Анатолий заглянул в маленькое застеклённое окошко, забитое крест-накрест досками.

– Внутри никого нет. Там только печь, стол, тумба, лавка и две табуретки стоят, – разочарованно сказал Анатолий.

– Естественно, что там никого нет. Хозяин ведь не через трубу выходит из избы, – сказал Павел.

– Откуда здесь взялась изба?

– Такие небольшие избушки в тайге строят охотники. Они в них изредка наведываются.

– Интересно, давно здесь жил хозяин?

– Какого хозяина ты имеешь в виду? Хозяином ведь таёжные охотники зачастую называют медведя. Вот он точно здесь недавно побывал. Видишь, в траве свежий помёт.

– Откуда ты знаешь, что это именно медвежий помёт, к тому же свежий?

– Меня иногда брали с собой на охоту друзья. Я охотиться не любил, но кое-что запомнил. Смотри: рядом с крыльцом лежит большая лепёшка коричневого помёта, в котором сохранились не переваренные красные ягоды.

– Неприятный вид у этого помёта, – поморщился Анатолий. – Но утешает, что из помёта не торчат осколки человеческих костей. Значит, этот медведь питается ягодами.

– Ничего это не значит. Зачем он к жилью тогда подходит? Думаю, не только чтобы сухарей, припасённых охотником поесть. Видно, местные медведи пристрастились к человечине. Видел, как к нашему разбитому самолёту они уверенно и без страха направлялись?

– Так вот почему такое маленькое окошко в этой избе – чтобы медведь внутрь не забрался, – догадался Анатолий.

– Ещё окно такое маленькое, чтобы зимой меньше тепла наружу уходило.

– Может, попробуем зайти в избушку? – предложил Анатолий. – Охотник ведь мог там еду оставить. Хотя, конечно, нехорошо в чужое жилище вламываться, но ведь это не дом, где человек постоянно живёт, а нечто вроде загородной дачи. То есть, это излишнее жильё. К тому же, наверняка, незарегистрированное.

- Думаешь, если жильё не зарегистрировано, то можно взламывать дверь?
- Думаю – можно.
- А если бы твою дачу вскрыли?
- Мою дачу грабили не один раз. Заметь – не для того, чтобы с голоду не умереть, а из хулиганских побуждений. Теперь я дачу продал и живу спокойно. Точнее, жил спокойно, пока не полетел в санаторий под Красноярск. Ирусик догадалась раздобыть путёвку в Сибирь.
- Кто такая Ирусик? – поинтересовался Павел.
- Моя жена.
- Наверно, сейчас переживает за тебя.
- Не переживает. Она давно отдельно живёт с детьми.
- Надо же! А путёвки тебе достаёт.
- Так это она меня умаливает. Хочет, чтобы я квартиру на неё оформил, – вздохнул Анатолий.
- И у тебя тоже квартира! – воскликнул Павел.
- Так мы не решили – будем дверь вскрывать или нет?
- Как понимаю, это преступление должен совершить я.
- Я не могу взламывать двери. Я ослаб от голода. Тебе хорошо – ты сожрал килограмм лисичек.
- Ведь ты ел тушёнку.
- Так это давно было. Я не привык есть так редко, – признался Анатолий.
- А ты похудел за прошедший день, – отметил Павел.
- Издеваешься?
- Нет. Правда, ты лучше выглядишь и вообще ты стал человечнее.
- Вот же тощий червяк! Я страдаю от голода, а ты надо мной глумишься.
- Тут внимание Анатолия переключилось на покосившийся сарай.
- Может, в сарае еда хранится? – спросил Анатолий и, не дожидаясь ответа, направился в сторону сарая.
- Однако через несколько шагов он остановился.
- Иди! Что встал, как вкопанный? – спросил Павел.
- Тут кровяки полно! Словно раненого тащили по траве или этот раненый сам полз. Кровяный след тянется к сараю.
- Павел подошёл к Анатолию.
- Как думаешь, здесь произошло убийство? – тихо спросил Анатолий и с опаской посмотрел по сторонам.
- Не знаю, – ответил Павел.
- Он подошёл к двери сарая, которая была забита доской. Павел вырвал доску вместе с ржавыми гвоздями, отшвырнул её в сторону, распахнул дверь и отшатнулся от резкого запаха, ударившего ему в нос.
- Как мерзко пахнет! – заходя вслед за Павлом в сарай, сказал Анатолий.
- Посмотри, что там в углу в полутьме белеет? – спросил Павел.
- Анатолий присмотрелся и похолодел. По спине у него пробежали мурашки. Возле стены, удерживаемая за запястья крюками, висела мёртвая обнажённая женщина. Вокруг тела вились крупные мухи. Анатолий вскрикнул и рухнул без чувств на глинобитный пол.
- Павел с трудом привёл Анатолия в чувство, нанеся ему ладонью несколько ударов по дряблым щёкам. Анатолий увидел склонившегося над ним Павла и, еле ворочая пересохшим языком, спросил:
- Ты позвонил в полицию?
- У тебя точно с головой проблемы! – сказал Павел. – Какая здесь полиция? У нас нет телефона. Ты хоть понимаешь, где мы находимся?

– Ах, да, ведь здесь тайга. Закрой дверь! Маньяк может быть рядом! – попросил Анатолий, поднимаясь с пола. – Он здесь живёт,

– Тут живёт охотник.

– Вот как! Значит, это сделал охотник! Здесь следует говорить как можно тише, – прошептал Анатолий. – Капитально злодей обосновался. У него здесь есть и дом для жилья, и сарай для пыток его жертв.

– Отчего же он злодей?

– А с женщиной что он сделал?

– С какой женщиной? – удивился Павел.

– Вот с той обнажённой женщиной, руки которой привязаны к потолку. Она мертва!

– Но это вовсе не женщина. И не смотри на меня так! Ты лучше на голову её и лапы внимательно посмотри. Это медведица, – сказал Павел.

– Как это – медведица? – изумился Анатолий.

– Очень просто. Это медведица с содранной шкурой. Друзья-охотники мне рассказывали, что медведица без шкуры похожа на женщину. Только я не думал, что это так ужасно.

– Значит, поблизости ходит тот, кто убил медведицу и содрал с неё шкуру. Он может вернуться. Мне кажется, что здесь живёт недобрый человек, и у него есть ружьё. Отсюда надо быстрее уходить! – решил Анатолий.

Поблизости раздалось грозное рычание. Анатолий побледнел. У Павла по спине пробежали мурашки. В дверном проёме показался медведь, вставший на задние лапы и заслонивший собой свет. Зверь снова зарычал. Казалось, что задрожали стены хлипкого сарая. Павел схватил прислонённые к стене вилы и пошёл на медведя. Вилы не испугали зверя, который взревел и шагнул навстречу человеку. В этот миг у Анатолия не выдержали нервы, и он дико заорал. По сараю распространился отвратительный запах. Медведь развернулся и метнулся к выходу. Снаружи послышался громкий хруст ломаемого кустарника.

– Кажется, я его напугал, – дрогнувшим голосом проговорил Анатолий.

– Молодец! – похвалил его Павел. – Пойдём отсюда. Здесь невозможно дышать.

– Ужасное тут место! – сказал Анатолий, когда они вышли из сарая.

– А медведица-то недавно убита. Мясо ещё не протухло.

– Не напоминай мне больше о ней, – попросил Анатолий. – Она и так мне теперь всю жизнь будет снится.

– Смотри, от избы идёт едва заметная тропка, – сказал Павел.

Следуя по тропе, они вышли к крутой деревянной лестнице с серыми перилами, которая вела к хлипкому причалу.

– Жаль, что у нас нет лодки или плота. На них мы бы уплыли по реке, чтобы больше не встречаться с медведями, – сказал Анатолий.

– Надо дождаться хозяина избы. Наверно, он на лодке или катере отправился рыбачить. Может, скоро вернётся.

– А если не вернётся?

– Тогда сделаем плот, – предложил Павел. – В сарае я видел топор и пилу. Осталось найти прочные верёвки. Ниже по течению реки нам наверняка попадутся населённые пункты.

– А как мы его спустим на воду? Здесь очень крутой берег.

– Мы его построим на причале, куда спустим брёвна.

– Прежде, чем строить плот, надо перекусить. Всё же придётся проникнуть в избы. Там может быть еда, – настаивал Анатолий.

– Ладно, – согласился Павел.

Они поднялись по лестнице. Павел взял топор и направился к избе. Обухом топора он сбил замок, отворил дверь и зашёл внутрь. Анатолий последовал за ним. Он подошёл к тумбе и

открыл дверцу. Там он обнаружил холщовый мешочек с сухарями и несколько вязанок вяленой плотвы.

Непрошенные гости быстро съели все сухари и по две вяленой рыбе.

– Ну, а теперь, за работу! Хозяина ждать в таёжной избушке дело неблагодарное. Вдруг он только через неделю вернётся, – сказал Павел.

Потом он выбрал самые сухие брёвна, лежавшие возле наружной стены избы, и они с Анатолием стали перетаскивать их к лестнице.

Они уже собирались спускать брёвна к причалу, но тут поблизости раздался рёв.

– Медведь возвращается! Он отомстит нам за свою медведицу и за своё недавнее позорное бегство, – вздрогнув, проговорил Анатолий.

– Скорее – в сарай! Хватай вилы! – крикнул Павел и сжал в руке топор.

– Лучше запрёмся в избе, – предложил Анатолий.

– А вдруг медведь снесёт дверь?

В этот миг из чащи выбежал медведь, удиравший от преследовавшего его громадного пчелиного роя. Медведь пронёсся мимо избушки и, ломая кустарник, устремился к реке.

– Похоже, медведь пытается спастись в реке, – сказал Анатолий.

– Его судьба меня не волнует. Я больше переживаю из-за того, что в тайге появились агрессивнее пчёлы. Они могут быть опаснее медведей, – сказал Павел.

– Насколько я знаю, дикие пчёлы часто нападают на медведей, которые забираются к ним в дупло за мёдом.

– Будем надеяться, что за медведем гнались обычные пчёлы. И, всё же, у меня пропало желание строить на причале плот. Ведь в ту сторону полетел пчелиный рой. Давай останемся здесь до следующего утра. Надеюсь, охотник на медведей сегодня не вернётся за добычей.

– Это правильное решение – сказал Анатолий, радуясь возможности переночевать под крышей, а не под открытым небом.

Они вернулись в избу. Павел затворил дверь на щеколду.

– Ложись спать на лавку, – великодушно предложил Анатолий. – Я всё равно на ней не умещусь. Она очень узкая.

Ещё было светло, когда Павел уснул. Анатолий расположился на полу. Он пожалел, что не догадался принести из сарая сено. Однако сходить за сеном он не решился. Он долго ворочался и не мог заснуть.

Наступила ночь. В окно светила полная луна. Её свет падал на пол рядом с Анатолием. Он смотрел в маленькое окошко, перекрёщённое досками, и ни о чём не думал. Уже засыпая, он увидел в окне не то медвежью морду, не то жуткое человеческое лицо, освещённое белёсым лунным светом. Ему стало страшно и, хотя наваждение мгновенно пропало, он уже разгулялся. Павла он решил не будить, чтобы тот не стал над ним насмехаться. Лишь под утро Анатолий провалился в сон.

Его разбудил странный звон.

– Ты слышал, будто вдалеке звонили колокола? – спросил Анатолия уже проснувшийся Павел.

– Слышал, – кивнул Анатолий и встал с пола.

– От тех далёких колоколов исходил необычный вибрирующий звон. Я слышал, что звон колоколов бывает слышен за несколько километров. Тем не менее, если мы определим, в какой стороне церковь, мы можем выйти к селу.

Они вышли из избы и приблизились к обрыву. Возле воды, чуть в стороне от причала, лежала тёмная туша.

– Это, вчерашний медведь. Он сдох, – поправляя заткнутый за ремень топор, сказал Павел.

– Туда ему и дорога! Как вспомню его, так по коже начинают бегать мурашки, – признался Анатолий.

Они спустились по лестнице к реке, и подошли к туше мёртвого медведя, в шерсти которого запуталось множество мёртвых пчёл. Ещё больше мёртвых насекомых лежали без движения в траве. Павел поднял пчелу и рассмотрел её.

– Это дикая пчела. Скорее всего, пчёлы стали жертвой вирусного заболевания. Видимо, случилось следующее: медведь, после того как ты его испугал, решил успокоить свои расшатанные нервы мёдом и полез в дупло. Но при этом он стал жертвой пчёл. Впрочем, возможно, медведь даже не лез за мёдом, а пчёлы сами напали на него. Вирус апимортоза перед гибелью пчёл вызывает невероятную агрессию. У больных пчёл вырабатывается чрезвычайно опасный токсин. Я это знаю, потому что занимался проблемой апимортоза.

– Значит, плохо занимался, если по всему миру с пчёлами неизвестно что творится.

– К сожалению, пока победить вирус не удалось. Что ж, давай строить плот. Пойду и поищу в сарае прочные верёвки, – решил Павел и стал подниматься по лестнице.

Анатолий остался на берегу и стал любоваться пейзажем. Он не заметил, что за ним наблюдает рысь, затаившаяся на толстом суку росшей у воды берёзы. Как только Анатолий повернулся к рыси спиной, она прыгнула на него. Анатолий вскрикнул, ощутив острые когти на своей спине. А вскоре сильная боль пронзила его плечо, в которое вонзились клыки хищницы. Неожиданно рысь разжала челюсти и свалилась со спины толстяка. Анатолий упал. Над ним склонился Павел, державший в руке топор с окровавленным лезвием. Он в несколько прыжков преодолел пару десятков ступеней лестницы, и пришёл на помощь своему спутнику.

– Хорошо, что я недалеко ушёл и вовремя вернулся, – сказал Павел, рассматривая мёртвую рысь, лежащую в луже крови. – Тебе повезло, что рысь не добралась до твоего горла. Но куртку и рубашку она тебе сильно порвала.

– Спасибо! – поднимаясь с земли, прохрипел Анатолий. – Почему рысь напала на меня, а не довольствовалась мёртвым медведем?

– Видно, она предпочитает свежатину... А ведь ты серьёзно ранен, – сказал Павел, увидев пятно крови на плече Анатолия.

Толстяк покачнулся, ноги его подкосились, и он упал. Павел отшвырнул в сторону топор, снял с себя рубашку, оторвал рукав и перевязал раненого. Потом Павел увидел появившуюся из-за речного поворота лодку, которая направлялась к причалу. Сидевший в лодке гребец энергично работал вёслами.

– На помощь! Здесь раненый! – громко закричал Павел и замахал руками.

Лодка пристала к причалу, и из неё выбрался высокий худощавый человек с окладистой бородой в просторных серых штанах и белой рубахе, подпоясанной красным кушаком. Синяя лента поддерживала на лбу волнистые светлые волосы. За спиной у него висела винтовка. Незнакомец привязал лодку к кнехту, и направился к пришлым людям.

Странно одетый человек помог Павлу дотащить раненого до лодки. Пока они несли Анатолия, незнакомец молчал. Павлу тоже было не до разговоров, поскольку нести толстяка было тяжело. При этом Павел удивился, что он не чувствует боли. Чем больше он погрузался в таёжную жизнь, тем реже Боль напоминала о себе.

Анатолия уложили на дно лодки. Незнакомец сел на вёсла, а Павел устроился на корме.

– Кто его так? – прервав молчание, спросил кареглазый незнакомец.

– Рысь. Я её убил топором, – ответил Павел.

– В тайге без оружия ходить нельзя. Хорошо, хоть топор у тебя был. Видно, отыскивали его в сарае. Небось, вы и сарай вскрыли, и дверь в избу взломали?

– Вскрыли и взломали, – вздохнув, признался Павел.

– Не вздыхай. Если голодные были, и ночевать было негде, то это простительно, – сказал незнакомец.

Он направил лодку вниз по течению реки и поинтересовался:

– Вы кто такие, и откуда будете?

– Меня зовут Павел Смирнов, а его – Анатолий. Фамилию не знаю. Мы с ним единственные выжившие пассажиры самолёта, который упал посреди тайги. Мы летели из Москвы в Красноярск, – рассказал Павел.

Незнакомец недоверчиво посмотрел на Павла.

– Ты хоть представляешь, где находится Красноярск? Знаешь, сколько сот километров будет от этой речки, именуемой Уклейкой, до Красноярска?

– Откуда же мне знать? У меня нет карты, – развёл руками Павел.

– Что ж, похоже, ты не врешь. То-то я думаю: что за гул и громкий хлопок вчера утром я слышал вдалеке. Значит, самолёт неподалёку грохнулся.

– Вообще-то мы с Анатолием от места крушения шли довольно долго. Самолёт упал в речку. Только это была не Уклейка, а другая мелкая неширокая речка. Мы сначала от реки в тайгу углубились.

– Это вы зря! Лучше идти по берегу реки.

– Мы от медведей ушли. Их возле реки и самолёта много объявилось. Они трупы погибших принялись пожирать.

– Непорядок, когда покойников звери грызут. Людей похоронить надо. Да так закопать, чтобы ни медведь, ни россомаха могилы не разрыли. Надо будет место падения самолёта отыскать и людей туда привести. Покойников положено хоронить.

– А разве спасатели рано или поздно не придут на место падения самолёта?

– Какие ещё спасатели? Разве в такой огромной тайге легко отыскать упавший самолёт? Глухомань тут! Правда, упавшие вертолёты наши люди иногда находили в тайге. Но это было далеко отсюда и от Звон-острова.

– Значит, глушь здесь?

– Глушь! Никакой цивилизации! – радостно подтвердил лодочник.

– А как вас зовут?

– Игорь Стравинский. Обращайся ко мне просто: Игорь, – прервав молчание, представился незнакомец. – Сразу скажу, что к великому композитору я никакого отношения не имею.

– Ты сказал, что здесь живут люди. Далеко отсюда населённый пункт?

– На Звон-острове стоит село. Километрах в двадцати отсюда. Сейчас мы выйдем в речку Каменку, которая впадает в Уклейку. Там придётся грести против течения. А из Каменки мы попадём в небольшую речку, которая вытекает из озера, на котором стоит Звон-остров.

– Толя дотянет до Звон-острова? – кивнув на бледного Анатолия, спросил Павел.

– Должен. Вроде, на вид – он крепкий мужик.

– А больница на том острове есть? Ему нужны антибиотики. Кажется, у него начинается жар, – потрогав лоб Анатолия, сказал Павел.

– Какая ещё больница? В селе только полсотни домов стоят да храм, а вокруг тайга на сотни вёрст. Ни больницы, ни магазина, ни школы, ни почты у нас нет. Мы обособленно живём. Ушли мы от суетной жизни на этот остров.

– Отшельники, значит?

– Какие же мы отшельники? Нас там не меньше сотни человек живёт.

– Староверы, что ли?

– Это как? – не понял Игорь.

– Вы к старой православной вере принадлежите или вы сектанты какие? Храм-то, говоришь, у вас есть.

– Мы не сектанты и не староверы Ты об этих вещах лучше с отцом Савелием потом потолкуешь.

– Хорошо, – сказал Павел и переключился на созерцание тайги, подступавшей к берегам реки.

Спустя некоторое время Игорь вывел лодку в другую реку, которая впадала в Уклейку.

– Мы уже плывём по Каменке. Скоро до Звон-острова доберёмся, – пообещал Игорь.

Крутой правый берег Каменки порос елями, а к левому низкому каменистому берегу подступали ольховые заросли и берёзовое мелколесье, за которым виднелись холмы, поросшие густым лесом.

– Речки у вас здесь полноводные и широкие, а названия у них простецкие – Каменка да Уклейка.

– Это местные названия. На картах эти речки могут называться иначе.

– А как же вы без врачей тут живёте?

– Почему же без врачей?

– Ты же сказал, что у вас тут нет больницы.

– Правильно. Нет больницы, но лекарь есть. Он и аптекарь, и хирург, и терапевт, и этот, как его... уролог. Травами он лечит. А в травах и антибиотики, и все остальные полезные вещества присутствуют. Родион, к тому же, болезни может заговаривать. Пошепчет, свечой поводит над больным, смесь из настоя трав с мёдом даст выпить, мазью из мёда и помёта летучих мышей больное место намажет – и болезнь отступит. Раненых и покалеченных хищными зверями он быстро на ноги поднимает. Твоего раненого товарища следует к нему поскорее доставить.

– Родион – местный знахарь и колдун?

– Зачем ты сразу на человека ярлыки навешиваешь? Какой он колдун? Родион по праздникам в храм ходит. А ещё Родион – пасечник. Мёд у него очень вкусный.

– Вкусный мёд, говоришь? – с удивлением спросил Павел.

– Ну, да, вкусный! Он и медовуху готовит. А что такого? Ты чему так удивился?

– Ты телевизор смотришь?

– Нет. Телевизоров у нас нет. Отец Савелий не велит смотреть телевизоры. У тех, кто на Звон-остров приходит с маленьким телевизором, мобильным телефоном или радиоприёмником, отец Савелий все эти вещи отбирает и уничтожает. Он говорит, что такие предметы несут в себе отрицательную энергию. Да и приёма тут нет.

– Всё-таки, сдаётся мне, у вас тут секта. И как часто к вам на остров приходят новые люди?

– Коренных жителей – стариков, деды которых жили на Звон-острове испокон веков, с десяток осталось. Остальные – пришлые люди, да их дети, из городов и посёлков. Только к нам не всякий может попасть. Рекомендации местных жителей нужны. Новых жителей редко доставляют на Звон-остров. Переселенцев с завязанными глазами везут на лодке по реке от установленного места, которое находится в ста километрах отсюда. Бывает, люди и сами сюда случайно попадают. Но это, вроде вашего случая – редкость. Я сам сюда из города перебрался, когда мне исполнилось тридцать лет. Надоело баранку крутить. У дальнобойщика сам знаешь, какая жизнь тяжёлая. Я и брата с собой на Звон-остров уговорил отправиться. Здесь я обзавёлся семьёй. Правда, жена моя, давно уже померла, а брат погиб.

– Что же, мне глаза не завязал?

– А зачем? Ведь ты не знаешь, где находишься. Сам ты отсюда не выберешься – в тайге сгинешь. Были такие, кто у нас не смог прижиться. Они в тайгу уходили. Ведь лодки и плоты у нас всегда под присмотром – по воде далеко не уйти. А потом в лесу находили останки таких смельчаков. Больно здесь волки и медведи лютые, да и рыси, и россомахи неласковые... Так почему ты меня про телевизор спрашивал?

– Если бы ты смотрел новости по телевизору, то знал бы, что заражённые вирусом пчёлы во всём мире погибают и перед своей гибелью людей жалят до смерти.

– Вот и этот факт тоже указывает на несправедную жизнь в городах. Значит, прав отец Савелий.

– Так у вас на острове все пчелы живы и здоровы?

– Живы и здоровы. А что им делается?

– А ты видел медвежью тушу, которая лежала чуть в стороне от рыси, которую я зарубил?

– Видел. Ты медведя тоже топором завалил или вилами проткнул?

– Это не я медведя убил. Его рой диких пчёл изжалил до смерти.

– Да ладно! – удивился незнакомец. – Матёрого медведя пчелы изжалили насмерть?

– Насмерть. Он немного до воды не успел добежать, – подтвердил Павел и поинтересовался:

– Игорь, это ты медведицу убил, туша которой в сарае на крючьях висит?

– Я вчера в тех местах не был. Правда, три дня назад я неподалёку ель повалил, распилил её на брёвна, которые перенёс к избе. Венцы у старой избышки подгнили – вот я и собирался их поменять. А зверья в том месте полно. Сейчас я охотиться туда направлялся.

– Значит, медведицу там кто-то другой убил. Кстати, вчера мы с Анатолием слышали выстрелы.

Игорь помрачнел.

– Это были чужаки. Они недавно в наших краях объявились. Со Звон-острова слышно было, как вчера из двух ружей стреляли. Так значит, они уже и до моей избышки добрались! А на двери избы, говоришь, замок висел?

– Ну, да. Я его сбил. Да и дверь в сарай заколочена была.

– А топор в сарае ты один нашёл?

– Один.

– Выходит, в сарай они заходили. Потом с медведицы содрали шкуру и ушли, а дверь снова заколотили. В сарае они нужные инструменты взяли. У меня ведь там, кстати, три топора было, а остался один. А вот в избу они не заходили, если на двери замок висел. Ключ-то я всегда с собой ношу. Старики сказывали, что бывали случаи, когда лихие люди с зоны бежали и в наших краях объявлялись. Видно, эти пришлые люди уже привыкли в тайге ночевать. В избу они не стали заходить, потому что крыша над головой им не нужна, да и в окошко, наверно увидели, что в избе взять нечего. Плохи дела! – покачал головой Игорь. – Надо будет наших мужиков предупредить. На Звон-остров злодеев нельзя допускать.

– Может, это были геологи или охотники? – предположил Павел.

– До нашей глухомани пешком только из зоны, да и то, с трудом, можно добраться. Ещё можно на моторке доплыть. Но звука мотора не было слышно. Чует моё сердце, что недобрые здесь люди объявились. На крючьях, говоришь, медведица висела?

– На крючьях, – подтвердил Павел.

Игорь и Павел замолчали. Под мерные всплески вёсел и журчание речных струй Павел склонил голову набок и задремал. Игорь повернул лодку во впадавшую в Каменку небольшую речку с медленным течением.

– Просыпайся! – сказал Игорь, толкнув рукой Павла в плечо. – Уже вошли в Стрекозку.

– Что за Стрекозка? – спросонья удивился Павел.

– Так речка называется, которая из Светлого озера вытекает. Ещё немного пройдем вверх по течению и увидим Звон-остров.

Речка, в которую вошла лодка, была узкой и извилистой. По её берегам рос невысокий густой ивняк и увитый хмелем ольшаник. Над водой летали стрекозы с тёмно-синими крыльями.

Павел с тревогой взглянул на застонавшего Анатолия. Ему стало жаль толстяка, которого он совсем недавно, сидя в кресле самолёта, ненавидел.

– Его вылечат? – с надеждой спросил Павел.

– Родион вылечит, – уверенно сказал Игорь. – Кстати, тебя тоже не мешало бы подлечить. Вид у тебя нездоровый – лицо серое и в глазах тоска.

– У меня рак желудка, – признался Павел.

– Ничего себе! – покачал головой Игорь.

– Странно, что я выжил в катастрофе.

– Неспроста ты выжил, мужик! Тебя надо сначала к отцу Савелию отвести. Он тоже тяжелобольным помогает. Духовно, так сказать, исцеляет. Правда, раковых больных у нас ещё не было. А после храма тебя к пасечнику надо отвести. Он травами, мёдом да заговорами тебя окончательно вылечит.

– Так кто у вас тут главный лекарь – священник или пасечник? – спросил Павел.

– Оба. Кто их знает, кто из них лучше лечит? У нас все у них обоих по очереди лечатся, если заболеют. Все выздоравливают, кроме дряхлых стариков – тех, кому срок помирать пришёл. Но ранеными обычно пасечник сначала занимается. Потому я тебе и сказал, что к нему надо твоего раненого товарища, как можно скорее, доставить. А у тебя болезнь глубинная, внутренняя. Тут, думаю, душу требуется сначала подлечить. Вот немного передохнёшь с дороги, а потом тобой отец Савелий займётся, – пообещал Игорь.

Павел хотел сказать, что Анатолий, как раз, больше, чем он нуждается в лечении души, поскольку не сдержан и нахален бывает, но смолчал, вспомнив, что и он толстяка в самолёте больно задевал словами.

После очередного поворота извилистой речки, взору Павла открылось просторное озеро, из которого вытекала речка, по которой они плыли. Посреди озера возвышался большой поросший лесом холмистый остров. Его правая оконечность была скалистой. С другой стороны острова на пологом берегу, у деревянного причала, возле которого на невысоких волнах покачивались лодки, стояли избы с двускатными крышами, покрытыми дранкой. Позади этих изб возвышался поросший смешанным лесом холм, у подножия которого раскинулся яблоневый сад. Избы стояли не только возле берега, но и среди недавно отцветших яблонь и кустов сирени, а также в лесу, на склоне холма.

На вершине холма, среди тёмных макушек елей и кудрявых светло-зелёных крон берёз, выделялся медный купол церкви, увенчанный искрящимся на солнце золотым крестом.

– Вот он, Звон-остров! На самом высоком месте стоит храм, – сказал Игорь. – Три года назад медными листами купол покрыли. А недавно отлили новые колокола для звонницы. У нас есть свой литейщик – Григорий Агапов. Он не только литейщик, но и кровельщик, и кузнец. У него в мастерской есть литейный участок и кузница, где он работает со своими подмастерьями.

– А где вы медь берёте? – поинтересовался Павел.

– Медную, железную и оловянную руду мы добываем в штольнях Медной горы. Её так называли, потому что сначала там Григорий нашёл медную руду.

Игорь подвёл лодку к причалу. Из ближней к причалу избы вышла светловолосая девушка в белом сарафане. Увидев причалившую лодку, она закричала:

– Дядя Игорь двух пришлых привёз!

Девушка подбежала к лодке и, увидев лежавшего в ней Анатолия, воскликнула:

– Человек умирает! Кто ж его так? Чем помочь-то?

– Не причитай, Фотиния! Лучше позови мужиков. Пусть раненого в избу перенесут. Пасечника надо позвать. И отцу Савелию сообщите, – попросил Игорь синеглазую девушку.

Однако звать никого не пришлось. К причалу уже бежали два бородатых мужика в широких серых штанах и белых рубахах, подпоясанных красными кушаками.

Глава 3. Звон-остров

Павел и Игорь передали Анатолия широкоплечим бородачам, а потом сами выбрались из лодки.

– Несите раненого в нашу избу. У нас есть место. Отец с матерью не будут против, – предложила Фотиния.

Игорь и Павел направились к большой избе, стоявшей возле причала. Туда же бородачи, которые были очень похожи друг на друга, понесли не подававшего признаков жизни Анатолия.

Фотиния направилась к сараю, вокруг которого росли высокие кусты отцветшей сирени.

Седобородый старик с выцветшими серыми глазами и кареглазая старушка, голова которой была повязана белым марлевым платком, встретили гостей на крыльце.

– Заходите, добрые люди! – пригласил хозяин.

В просторной избе было несколько комнат. Игорь и Павел зашли в самую большую комнату с двумя окнами. Обстановка здесь была простая – длинный стол, две скамьи, пара табуреток, шкаф, комод и покрытая белым покрывалом железная кровать, на которой лежал пушистый чёрный кот. В углу белела печь с лежанкой. На стене висели две винтовки.

Павел обратил внимание, что в избе не было электрических светильников.

– Прими раненого, Фёдор, – обратился к хозяину Игорь. – Фотиния сказала, что его можно к вам доставить.

– Где раненый-то? – спросил Фёдор.

– Его сейчас принесут, – сказал Игорь.

– Покорми гостей, Арина! – попросил хозяин старуху и обратился к гостям:

– А вы присаживайтесь за стол.

Хозяйка стала греметь кастрюлями за стеной, где располагалась кухня, а старик сел напротив Павла и внимательно посмотрел ему в глаза. Павел выдержал этот взгляд.

– Фёдор, – перестав глядеть гостю в глаза, представился старик.

– Павел, – ответил гость.

– Откуда родом будешь?

– Я москвич.

– Ясно, – проговорил Фёдор, но что именно ему было ясно, Павел не понял.

Бородачи внесли Анатолия в избу и положили его на кровать.

– Фёдор Петрович, мужик-то, похоже, собрался помирать. Спасать его надо! – забеспокоился один из бородатых мужиков.

– Пасечника уже ищут. Его недавно видели возле мастерских. Успеет ли он? – спросил второй бородач.

– Успеет. А вы ступайте. Раненому вы не поможете, а Родиону только мешать будете, – сказал старик.

Бородачи ушли, а вскоре в комнату зашла Фотиния.

– Пасечника уже позвали. Родион скоро сюда придёт, – сообщила девушка, мельком взглянув на Павла большими голубыми глазами.

– А где живёт пасечник? – поинтересовался Павел.

– В центре острова. Там у него пасека.

– Как быстро его известили, а я слышал, что у вас тут мобильников нет, – удивился Павел.

– У нас тут своя почта работает. Голуби быстро летают. Фотиния на пасеку голубя отправила с запиской, – объяснил старик.

– А вы сами здесь давно живёте? – поинтересовался Павел. – Вроде как говорите вы погородскому.

– Угадал. Я не из коренных обитателей Звон-острова. Да и большинство из старожилов уже по-старому не говорят. А я со своей женой Ариной сюда тридцать пять лет назад перебрался. Вот и Фотинию здесь родили, – хозяин кивнул на смутившуюся и зардевшуюся девушку.

– Гляжу, у тебя, дед, красивая дочь. Только вот имя у неё странное, старинное, – сказал Павел.

– По святцам так вышло, – сказал Фёдор и попросил дочь:

– Фотиния, выйди ненадолго. Мне с гостем нужно поговорить. Да и при лечении раненого тебе здесь находиться необязательно.

Как только Фотиния вышла из комнаты, хозяин набросился на Павла:

– Какой я тебе дед?! Мне ещё нет пятидесяти лет.

– Простите, – сказал Павел.

– Да, видно старит меня борода. Пора мне её сбрить. Это у нас отец Савелий придумал, чтобы мы бороды не брили. Отец Савелий строгий, – сказал Фёдор. – Говорят, давным-давно он в глаза стал осуждать своего церковного начальника за то, что тот ездит на дорогом импортном автомобиле. Да и денежки приходские пустил на строительство своего загородного дома с золотыми люстрами и с бассейном.

– Эка невидаль! Да у нас так многие чиновники поступают, – махнул рукой Павел.

– А священник – это не чиновник, мил человек! Он духовное лицо. Люди смотрят, как он живёт – добродетельно или нет. Оттого в городах и сёлах многих у нас бардак и творится, что многие истинную веру утратили, в церковь только для вида ходят и свечи ставят так, чтобы их другие прихожане заметили – мол, и они – как все, значит, в Бога веруют, как положено. Изредка к нам приходят новые люди и рассказывают, что мало что меняется в лучшую сторону на Большой Земле.

– Я считаю, что вера в Бога должна быть в душе человека.

– Так в этом никто и не сомневается. Вот представится у тебя возможность – поговоришь на эту тему с отцом Савелием. Он тебя наставит на путь истинный и подлечит. Вид у тебя, гляжу, нездоровый, – заметил Фёдор и спросил:

– Как же вы в наших краях очутились?

– Летели на самолёте, который потерпел крушение. Мы выжили. Потом вышли к избушке на берегу Уклейки, а там нас Игорь подобрал, – рассказал Павел.

– Я вовремя подоспел. Его друга – Анатолия сильно рысь порвала, – сказал Игорь.

– К нам всякие люди попадают – и больные, и здоровые, и добрые, и не очень. Вот, например, километрах в восьмидесяти от нашего острова три человека выжили после падения легкомоторного самолёта. Случайно они вышли к Светлому озеру. Мы их к себе жить взяли. А иные люди сюда намеренно приходят, чтобы обосноваться на Звон-острове. У нас есть друзья в городах, которые помогают таким людям.

– Здорово, мужики! Где раненый? – раздался громкий голос.

Павел оглянулся. В дверях стоял могучий широкоплечий седобородый мужик в синей рубахе, подпоясанной красным широким кушаком, и в белых штанах. В правой руке он держал холщовую сумку.

– Здорово, Родион! – приветствовал его хозяин.

– Здравствуйте! – сказал Павел, удивившись росту и стати пасечника, которому, судя по количеству морщин на лице, было много лет.

Родион посмотрел на Павла и сказал:

– Гляжу, ты вроде не раненый, но болеешь. Бледный ты и хлипкий. Тебя надо подлечить.

– Ты сначала Анатолию помоги. Ему сейчас хуже, чем Павлу. Без сознания он. Помиряет, – сказал Фёдор и кивнул на кровать, где лежал Анатолий.

– Какой он толстый! – удивился Родион. – Вы решили меня удивить? Ну и гости к вам пожаловали – один тощий, как жердь, а другой жирный, словно кабан.

Пасечник подошёл к кровати, на которой лежал Анатолий и, мгновенно сменив шуточный тон на серьёзный, поинтересовался:

– Кто его так?

– Рысь, – ответил Павел.

Родион пододвинул табуретку к кровати, на которой лежал раненый, извлёк из своей сумки вату, бинты, острый нож, иглу, суровые нитки, бутылку с завинчивающейся пробкой, баночки с завинчивающимися крышками, наполненные тёмно-коричневыми жидкостями и мазями. Всё это пасечник разложил на чистом полотенце, которое хозяин постелил на стол. Родион открыл бутылку, смочил ватку спиртом и тщательно протёр ладони. Потом он снял с плеча раненого окровавленную тряпицу, промыл рану и стал её зашивать. Когда лекарь уже заканчивал работу, Анатолий застонал и приоткрыл глаза.

– У вас есть антибиотики? – поинтересовался Павел.

– Антибиотиков нет. Но у меня есть кое-что лучше, – уверил Родион.

Он порылся в сумке и вытащил банку, наполненную тёмной массой. Пасечник откупорил крышку и смазал тёмно-коричневым веществом рану Анатолия.

– Это прополис, – пояснил Родион.

Потом пасечник высыпал из другой банки себе на ладонь мелкие гранулы.

– А это – перга. Ему надо съесть несколько этих крупинок. Помогите мне – приподнимите ему голову, – попросил пасечник.

Павел поднял голову Анатолию. Тот снова приоткрыл глаза и разжал губы. Родион положил ему в рот несколько крупинок перги, а Фёдор протянул раненому стакан с водой. Анатолий сделал несколько глотков. Затем пасечник дал ему отвар из целебных трав и перебинтовал рану. Анатолий прикрыл веки и уснул.

– Он поправится, – уверил Родион. – Главное, чтобы спал жар. Сейчас у него высокая температура.

– Уже вечерет. Поедим, и надо спать ложиться, – сказал Фёдор. – Сейчас Арина щи принесёт. Угостим гостей. Супруга моя наваристые щи готовит.

– Спасибо, но у меня много дел, – сказал Игорь и вышел.

– Оставайся Родион! – попросил Фёдор.

– Нет. Пожалуй, и я пойду. Дел на пасеке много, – сказал пасечник, складывая в сумку свои вещи.

– А пчёлы не болеют? Не гибнут? Не набрасываются на людей? – заинтересовался Павел.

– Иногда болеют, однако ни на кого не набрасываются и не погибают, – ответил пасечник. – Как обычно, клещ их досаждают. Дымом его вывожу. Пчёлки после выздоравливают. В общем, ничего серьёзного с пчёлами не бывает. А вот ты сам болеешь серьёзно. Вид у тебя неважный.

– Болезнь у меня неизлечимая – рак, – сказал Павел и содрогнулся, словно получил удар током от произнесённого им же самим страшного слова.

– Не произноси это слово! Я тебе скажу: не бывает неизлечимых болезней. Бывают неизлечимые люди. Не захочешь лечиться – не вылечишься, – сказал Родион.

– Так ты этим нашим гостем и займись завтра, – попросил Фёдор.

– Отчего же не заняться? Завтра отведи его ко мне на пасеку. Вижу, что тяжело болеет мужик. Весь высох! Но полечить надо. И эту страшную болезнь можно победить.

– Ты его угости своими настоями, – предложил Фёдор.

– Сам знаю, что делать. Но тут одними настоями не обойдёшься, – сказал Родион.

Пасечник ушёл, а спустя несколько минут в комнату вошла Арина и принесла на подносе горшок со щами и миски. Вернулась в комнату и дочь хозяев.

Хозяева ели молча. Не разговаривал за столом и Павел. Когда поели, Арина и Фотиния собрали и унесли посуду. И тут проникновенно и величаво зазвонили колокола.

– Красиво колокола звонят, – отметил Павел.

– К вечерне колокола зовут. Звонарь у нас умелый. Серёжей звать. Всю душу вкладывает в свою работу. А душа у него добрая, хоть и невеликого ума этот человек. Уже тридцать лет ему, а ведёт себя, как дитя малое. Да и внешне он особенный. Он от рождения серьёзно болен. Но не только звонарь у нас талантливый. Сами колокола словно живые. Их отливал наш местный умелец – Григорий Агапов – рассказал Фёдор.

– Гляжу, вы тут всё сами делаете, без цивилизации обходитесь.

– Легко обходимся, – сказал Фёдор.

– А вы в церковь ходите? – спросил Павел.

– Нечасто ходим. Работы много, – ответил Фёдор.

– Слышал, отец Савелий, тоже людей лечит.

– Молитвами он врачует. Редко когда Савелий сам ходит по больным. Они сами к нему идут. Или немощного приносят к храму, если тот идти не может. А назад порой на своих ногах больные уходят. Отец Савелий наверняка уже в курсе, что вы объявились на нашем острове. Он сейчас молится за тебя и твоего товарища. После, когда рана у Анатолия начнёт подживать, он его обязательно подлечит. Да и тебе не мешало бы на службу сходить, – предложил Фёдор.

– Устал я. Прилечь хочется, – признался Павел.

– Ну, как знаешь! Тогда хоть в баньку сходи. Она уже натоплена. А потом в сарае на сеновале заснёшь. Идём! – позвал гостя Фёдор.

Хозяин и Павел вышли из избы и направились к бане, которая стояла на самом берегу озера, метрах в ста от избы Фёдора. В бане было прорезано маленькое незастеклённое окошко.

Павел с удовольствием попарился в пропахшей берёзовой листвой и хвоей бане, после чего Фёдор и Павел окунулись в прохладную озёрную воду.

Хозяин выдал Павлу белую рубаху и широкие серые штаны, пообещав, что его грязную одежду постирает хозяйка. затем Фёдор отвёл гостя в сарай, в котором под самым потолком было несколько маленьких окошек, затянутых марлей.

– Я сам, когда стоят тёплые ночи, ночую на сеновале. Воздух здесь свежий. Чтобы комары ночью не донимали, я оконца затянул марлей, – сказал Фёдор.

– Хорошо, что здесь окошки маленькие. В них медведь или рысь не заберутся, – заметил Павел.

– Не бойся. На острове вообще не водятся крупные хищники, – уверил его Фёдор.

– А мелкие хищники обитают?

– Этих много – куницы, хорьки и мыши.

– Мыши – это грызуны, а не хищники, – поправил хозяина Павел.

– Всё равно, мыши могут укусить. Умолкни, москвич! Ложись на сено и спи.

– Умолкну я скоро и надолго, – вздохнув, произнёс Павел.

– Никогда не произноси такие нехорошие слова, и долго жить будешь, – сердито произнёс Фёдор и вышел.

Павел закрыл дверь на щеколду и по приставной деревянной лестнице забрался на сеновал, под крышу сарая. За стеной, в пристроенной к сараю голубятне, некоторое время ворковали голуби. Когда на улице стемнело, голуби угомонились и затихли.

В сарае, как и в избе, электричества не было.

«При свечах живут, бедолаги. А ведь, если у них есть свои металлурги, охотники, звонари и священники, то должны быть и электрики. Уж ветряную электростанцию вполне могли бы соорудить», – подумал Павел.

Он с наслаждением вдыхал аромат душистого сена и прислушивался к мерному шуршанию накатывающихся на берег волн, к шелесту перебираемых ветром листьев. К этим звукам

вскоре присоединился гул комаров, собравшихся возле затянутых марлей окошек. Под эти баюкающие звуки Павел заснул.

Проснулся он посреди ночи из-за светившего ему в глаза лунного света, проникшего через окошко. Павел повернулся на другой бок, но заснуть уже не смог. Павел окончательно разгулялся и спустился с сеновала. Отряхнувшись от налипшего сена, он распахнул дверь и вышел на улицу. Ночь была звёздной и прохладной. Назойливые комары набросились на Павла.

Он вышел на берег, где свежий ветерок прогнал гудящих маленьких кровососов. Шагая по покатым валунам, он добрался до кромки воды. Волны накатывались на огромный валун, на котором он стоял. Павел посмотрел на освещённый бледным светом луны причал, возле которого на волнах покачивались лодки, и увидел белую женскую фигуру. Не склонный к мистике Павел, тем не менее, вздрогнул. Эта фигура показалась ему бесплотной. Он отошёл от воды и поспешил к сараю. Однако что-то заставило его оглянуться. Павел снова увидел на причале женский силуэт и узнал стоявшую женщину. Это была Фотиния. Имя Фотиния, по мнению Павла, не подходило этой юной красавице. Он несколько не удивился бы, если бы так звали монахиню или древнюю старуху, но дочь Фёдора и Арины была совсем юной.

Павел направился к ней. Фотиния оглянулась и вздрогнула.

– Вы меня напугали! – испуганно произнесла девушка.

– Не спится? – спросил Павел.

– Да. Я люблю смотреть на озеро ночью, когда светит луна. Очень красиво блестит вода.

– Тебя отец не будет ругать?

– Нет. А за что?

– Не опасно одной находиться ночью возле озера?

– Нет. Ведь на острове не водятся хищники. Жила, говорят, очень давно, на другом краю острова, в берлоге медведица с медвежатами, да застрелили их уже давно. А другие хищные звери на Звон-остров не идут. Людей боятся.

– Не очень-то они боятся, – возразил Павел, вспомнив про вышедших к потерпевшему крушение самолёту медведей и напавшую на Анатолия рысь.

– Вы о вашем раненом друге сейчас подумали?

– Да.

– Так ведь вы были в тайге без оружия.

– Оружие у меня было. Я топором рысь убил.

– Вообще-то сильный хищный таёжный зверь только ружья боится.

– А где вы берёте оружие?

– Некоторые люди сюда со своим оружием приходят. А несколько лет назад военный вертолёт упал в тайге. В нём оружие было и ящики с патронами. Пилоты погибли. Правда, это случилось далеко отсюда. Наши мужики замучались оружие на Звон-остров доставлять. Теперь у нас даже четыре автомата есть. А ещё раньше по реке Уклейке плыла пустая моторная лодка со сломанным двигателем. Хозяин видно утонул или звери его задрали, а двигатель в моторке был сломан. На дне лодки лежали канистры с керосином. Их мужики доставили на Звон-остров. Мой отец одну канистру у нас в сарае схоронил.

– Значит, вы тут крепко обосновались.

– Крепко. Я тут с самого рождения живу. На острове всегда было спокойно. А вот когда меня отец с собой в тайгу брал, я сильно волновалась. В тайге звери – хозяева. Отец меня учил, что нельзя хищного зверя пугаться. Зверь чувствует, когда его не боятся и уходит.

– А зимой по льду на остров звери не забредают?

– Разве что кабаны. Те никого не боятся. А волки, россомахи, рыси и медведи не идут на наш остров. Звон-остров дымом и человеческим духом пропах. Зверь это чует. К тому же, теперь у нас колокола часто звонят – зверь из-за их звона тоже нашего острова сторонится.

– Отец твой сказал, что у вас тут только куницы, хорьки, да мыши водятся.

– Ещё на острове зайцы и белки живут. А ещё из живности – домашние овцы есть, небольшое коровье стадо, куры, утки и кролики. Говорят, кроликов с Большой земли завезли давным-давно. Некоторых длинноухих выпустили на волю. Теперь они много нор нарыли на другой стороне острова и вблизи Медной горы.

– Озеро здесь словно живое. И ночь словно живая, – сказал Павел. – Не пойму, откуда-то слышится нежный шёпот. То ли это шелестят листья на деревьях, то ли волны шуршат, набегая на камни, то ли звёзды что-то шепчут.

– Вы рассуждаете так же красиво, как дядя Лёня. Он сочиняет стихи и музыку и поёт задушевные песни. У него есть старая гитара. А ещё он рожки делает.

– Значит, он талантливый человек.

– Дядя Лёня – охотник. Всем остальным он для души занимается. Он сам так говорит. А ещё у нас есть звонарь Серёжа. У него здорово получается в колокола звонить. А вы сами ничего не сочиняете?

– Нет.

– Жаль. А ведь, наверное, можете. Ведь вы так красиво говорите, – разочарованно сказала Фотиния.

– Сам не знаю, с чего это я так заговорил? Возможно, из-за приближения моей жизни к финалу?

– Зачем вы так говорите? Вы ещё молодой! Мы вас тут вылечим. Даже ваш раненый товарищ выживет.

– Устал я всем рассказывать, что серьёзно болею.

– А что у вас болит?

И вдруг Павел понял, что у него сейчас действительно ничего не болит. Боль ушла вместе с его прошлой жизнью. Он удивился этому, но не обрадовался, зная коварство страшной болезни.

– Знаешь, Светлана, мне не хочется обсуждать мою болезнь.

– Ну и не надо. А почему вы меня так чудно назвали?

– В переводе с греческого Фотиния – означает светлая. В городе тебя бы звали Светланой.

– У нас на острове женщин с таким именем нет. Ну, я, пожалуй, пойду домой, – хрустальным голосом произнесла девушка.

– Я тебя провожу, – предложил Павел.

– Зачем? – искренне удивилась девушка. – Какой вы странный! До избы вздумали провозжать, когда до неё рукой подать.

Фотиния направилась к своей избе. Павел проводил её взглядом. Вскоре в одном из окон избы Фёдора загорелся слабый дрожащий огонёк. Как догадался Павел, Фотиния зажгла свечу. Вскоре свеча погасла. Павел ещё немного постоял на причале, а потом вернулся в сарай, закрыл дверь и забрался на сеновал. Лунный свет уже не светил в окошко. Павел немного поворочался и крепко уснул.

Спал он мало. Едва забрезжил рассвет, как закричали петухи. Павел вышел на улицу и осмотрел местность, погружённую в синие утренние сумерки. Село начиналось от берега и занимало нижнюю часть склона холма, на вершине которого располагался храм. Избы стояли среди старых высоких яблонь, рябин, берёз и елей. Приусадебные участки были разделены низкими некрашеными заборчиками с редким штакетником. Между участками вились удивившие вверх узкие тропки.

Павел направился на причал. Над озером стелился рваный туман. Его молочно-белые ключья висели и над лесом. В озере несколько раз плеснулась крупная рыба.

Налюбовавшись озером, Павел решил прогуляться по селу и изучить окрестности. По узкой тропке между заборами он проследовал мимо двух соседних изб и вышел на более широкую дорожку, проложенную между двумя рядами утопавших в зелени бревенчатых домов. Ого-

родов возле домов он не приметил. Когда Павел проходил мимо одной из изб, во дворе забрехала собака.

Павел ощутил умиротворение от осознания своего единения с природой, спокойствием и тишиной. Он поднимался вверх по дорожке на удивление легко, словно не был тяжело болен. Дома по обе стороны от тропы закончились. Теперь с двух сторон к дорожке подступал густой смешанный лес. От этого светлого, просвечиваемого утренними лучами солнца леса исходило спокойствие, а не гнетущее ощущение постоянной опасности, как это было в тайге. Звон-остров показался Павлу оазисом среди дикой тайги, подступавшей со всех сторон к Светлому озеру.

Вскоре дорожка разделилась на две узкие тропки. Павел выбрал более широкую из них, и пошёл дальше. Когда впереди, за деревьями, уже просматривался деревянный храм, он остановился перед очередной развилкой. Одна вытоптанная дорожка вела вверх, к церкви, а вторая, едва заметная тропка, терялась в траве и уходила вниз, к небольшому оврагу, по дну которого протекал журчащий ручей. Павел решил сначала спуститься к ручью. Он сбежал в овражек и остановился возле ручья, через который был перекинут узкий мостик из посеребривших от времени и воды брёвнышек. Вдоль ручья росли мелкие голубые цветы, похожие на незабудки. Павел долго стоял, радуясь прекрасному утру. Потом он опустился на колени, склонился над и опустил ладони в ледяную прозрачную воду. От его тени бросились врассыпную блеснувшие мелкие рыбёшки, словно льдинки, проскользнувшие между его пальцев. Павел зачерпнул пригоршню воды и выпил живительную влагу, ожёгшую его язык и горло холодом. Он припал к воде и стал жадно пить.

Затем Павел встал и прислушался к своим ощущениям. Он не чувствовал привычной Боли в желудке. Павел подумал, что Боль, возможно, никогда не вернётся к нему, если он останется жить на Звон-острове. Он с восторгом посмотрел на нежно-зелёные листья склонившейся над ручьём ольхи, которые просвечивали под солнечными лучами, пробившимися сквозь кроны высоких деревьев, и подставил лицо под капельки влаги, падавшие с ветвей нависавшей над мостиком плакучей ивы. Капельки приятно щекотали его щёки.

Он вспомнил своё детство и летние каникулы, которые проводил в деревне у бабушки. Всякий раз, когда Павел приезжал в деревню, он знал, что впереди его ждут три месяца счастья, которые будут тянуться долго, словно целая жизнь. Его и сейчас переполняло ощущение глупого счастья.

Над овражком разлились торжественные гулкие звуки. Зазвонили колокола. Павлу показалось, будто он попал в сказочный мир, приветствующий его и радующийся его появлению. Он выбрался из оврага и направился к стоявшей на вершине холма церкви. Павел приблизился к каменной полутораметровой оgrade. Пройдя немного вдоль огады, он упёрся в кованую калитку. Павел открыл её и прошёл на территорию храма.

Снова раздался громкий колокольный звон. Павел запрокинул голову и посмотрел на колокольню, на которой маячила сутулая фигура нескладно сложенного человека, который бил в восемь небольших колоколов, выводя необычайно красивый звон. А потом звонарь несколько раз ударил в большой колокол, висевший в центре колокольни. Гулкий металл мерно загудел, и величественные звуки растеклись по плотному, пропахшему запахами полевых цветов, травы, сена и хвои, пряному воздуху. Павел словно вошёл в резонанс с этими звуками и даже стал мерно покачиваться в такт движениям звонаря, который, ухватившись за верёвку, приотанную к тяжёлому металлическому языку, бил им по колоколу. В тело Павла вливался звон, и его ослабленный болезнью организм наполнялся энергией радости и жизни.

Звон прекратился, отозвавшись несколько раз гулким мелодичным эхом, и Павел услышал голоса людей, приближающихся к церкви. Вскоре показались направлявшиеся к храму взрослые мужчины, женщины и несколько подростков. Мужчины были одеты в белые рубахи и широкие штаны, а женщины – в белые сарафаны или длинные платья, головы их были покрыты

белыми платками. Среди этой процессии Павел заметил своих знакомых – Фёдора, Арину и Фотинию, которая, проходя мимо, лишь мельком взглянула на Павла. Сегодня на Фотинии было белое платье.

Не обращая внимания на Павла, люди зашли в церковь. Павел последовал за ними. Просторный храм был заполнен. Внутри пахло ладаном. Свечи отбрасывали трепещущие блики на иконы. На амвоне стоял высокий полный русобородый священник в чёрной рясе, читавший молитву.

Павел терпеливо отстоял службу и вышел из церкви, когда началось причастие.

Возле калитки Павел дождался Фёдора с семьёй. Фотиния шла следом за родителями. Павел подошёл к ним.

– Здравствуй! – приветствовал Фёдор Павла и пожал ему руку.

– Доброе утро! – сказал Павел.

– Тебе хорошо бы причаститься, – посоветовал Фёдор.

– Не готов я пока к причастию. А почему не все в церковь пришли? Вот и пасечника не видно.

– Многие сельчане в церковь вообще не ходят. А Родион постоянно работой занят, поэтому в храме редко бывает, как и литейщик Агапов. Они только по большим праздникам посещают службу. А пасечник, как и многие другие жители Звон-острова, ещё старинные языческие обряды исполняет. Вот и молодёжь стала отмечать языческие праздники. Вот Ивана Купала скоро праздник состоится, – хмуро посмотрев на смутившуюся Фотинию, ворчливо произнёс Фёдор. – Я считаю, что не годится такие праздники отмечать. А отец Савелий при всей его строгости уверен, что запрещать их нельзя. Люди сами должны к истинной вере прийти.

– Скажешь, отец, что и Медовый Спас, который скоро будет, нельзя отмечать? – спросила Фотиния.

– Это ещё почему? – удивился вопросу дочери Фёдор.

– Так ведь молодёжь купается на Медовый Спас в озере вечером, девушки своих женихов маком обсыпают. И скотину старики купают в Светлом озере. А ведь эти обычаи имеют языческие корни. Но никто из стариков и даже отец Савелий не противится таким праздникам.

– Ещё пироги и пряники с освящённым мёдом на Медовый Спас следует печь, – включилась в разговор немногословная супруга Фёдора.

– Главное, что вода на Медовый Спас освящается. Смываются разные грехи и хвори. Испокон веков в этот день в воде купаются. И вовсе это не язычество. Ведь в освящённой воде омовение происходит. И в тот день бывает крестный ход к воде под колокольный звон. Старые колодцы чистят, а новые в этот день освящают, – сказал Фёдор.

– Судя по всему, Медовый Спас вы тут все празднуете – и старые, и молодые, и посещающие церковь и те, кто на службу не ходит, – заметил Павел.

– Это так и есть. Медовый, Яблочный и Ореховый Спас все празднуют, впрочем, как Рождество, Пасху, Троицу и другие праздники, – согласился Фёдор.

Когда все прихожане вышли из церкви, к беседающим вышел кареглазый священник.

– Молодцы, что вы одного из наших гостей в храм привели, – сказал священник.

– Павел сам пришёл, – сообщил Фёдор.

– Это славно, – проговорил отец Савелий и обратился к Павлу:

– Ты чаще заходи в церковь. Молитвы да богоугодные дела часто людей излечивали от тяжёлых болезней. А ты болеешь сильно, судя по твоей худобе. А как здоровье раненого гостя?

– Анатолий под утро в себя пришёл. Ему лучше стало. Он даже есть попросил. Съел несколько ложек овсянки с мёдом, – сказал Фёдор.

– Зря вы раненого одного оставили, – покачал священник. – Я с вами сейчас к нему схожу, – решил отец Савелий и крикнул, обращаясь к сутулому молодому белобрысому человеку, который вышел из храма:

– Серёжа, оставайся в церкви! Приберись.

В сутулом юноше Павел узнал звонаря. Сгорбленная фигура звонаря, его немного выпирающий живот, детские черты лица, серые невыразительные глаза, приоткрытый рот, резкие движения рук и непроизвольные нервные кивки головой вызвали у Павла чувство жалости. Он удивился – откуда только взялся талант звонаря у этого нескладно сложенного больного молодого человека?

Звонарь скрылся за дверью храма.

– Как ловко этот юноша управляется с колоколами! – сказал Павел. – Сразу и не скажешь, что это он сейчас был на колокольне.

– Сергей уже не молод. Просто внешность у него такая. Болен он с самого рождения. Лицо у него детское. Разговаривает он мало, зачастую – сам с собой. Зато Серёжа исполнитель и не чурается никакой работы. Талант у него от Бога. Вот сегодня он свою музыку на колоколах наиграл, – отметил отец Савелий.

– Не может быть! – изумился Павел.

– Он часто наигрывает свою музыку. И вот что интересно: не только молитвы, но и звон от церковных колоколов исцеляет душу и тело. Проверено. Несмотря на то, что Сергей часто не духовную музыку исполняет, а свою. Хотя по праздникам он так Благовест играет – заслушаешься! А трезвон и перезвон исполняет – просто душа замирает от счастья.

– Серёжа играет так, словно душа его с небес спустилась, – добавила Арина.

– У нас на Звон-острове всё целебное – и колокольный звон, и воздух, и ароматы хвои, трав и цветов, – с гордостью произнёс Фёдор. – Пасечник говорит, что неспроста мёд на Звон-острове такой ароматный и вкусный. Да и лечебными свойствами он обладает небывалыми. Родион считает, что мёд такой славный из-за душистых местных полевых цветов. А я полагаю, что сам наш Звон-остров – святое чистое место, а мёд такой из-за того, что пчёлы слушают небесную музыку, которую Сергей наигрывает на колоколах. Действительно, колокольный звон пчёл успокаивает. Я это замечал, когда бывал на пасеке у Родиона. Когда колокола звонят, он даже дымом пчёл не обкуривает. Спокойно они себя ведут. Здесь, на Звон-острове, место особое – травы и ягоды лечат тяжёлые хвори.

– У нас живёт много бывших горожан, которые сюда попали больными, и вскоре выздоровели, – взглянув на Павла, сказала Фотиния.

– Только Родион считает, что это он мёдом со своей пасеки, прополисом и пергой, а также земляникой, собранной на Медной горе, тех больных вылечил. А я думаю, что больные поправились, потому что никакого лечения не чурались и в выздоровление своё верили. Вот и ты, Павел, не отказывайся от Божьей и людской помощи, и верь в своё выздоровление, – посоветовал Фёдор.

– А я и не отказываюсь. Наоборот, чувствую себя здесь, на Звон-острове, намного лучше, нежели в городе. Даже про свою болезнь уже стал забывать, – признался Павел.

– Павел, вы к нам придёте завтракать? – спросила Фотиния.

– Приду, – с готовностью согласился Павел.

– Только сначала ты сходи к пасечнику. Родион тебя ждёт, – сказал Фёдор.

– Можно я провожу гостя на пасеку? – спросила Фотиния.

– Проводи, – разрешил Фёдор.

– Я вас всех жду на вечернюю службу, – пригласил отец Савелий и направился к храму.

Фёдор с супругой пошли по дорожке к селу, а Фотиния повела Павла через овраг по узкой тропке. Они перешли по мостику ручей, выбрались из оврага и стали подниматься на соседний высокий холм, склоны которого поросли высокой шелковистой травой, в которой прятались

спелые крупные ягоды земляники. Над мелкими розовыми гвоздиками, разбросанными среди травы, кружили мерно гудевшие шмели и пчёлы. Местные пчёлы были настроены миролюбиво, и Павлу показалось, что он попал в прекрасный иной мир.

Павел и Фотиния поднялись на вершину холма, на которой росли редкие берёзы и кусты орешника.

– Это и есть та самая Медная гора? – спросил запыхавшийся из-за крутого подъёма Павел.

– Нет. Медная гора далеко отсюда, за пасекой, – пояснила Фотиния.

Она набрала пригоршню спелой душистой земляники и протянула Павлу пряные сочные тёмно-красные ягоды. Павел с наслаждением съел ароматные ягоды и сказал:

– Никогда не ел такой вкусной земляники.

Он посмотрел на плывшие по небу кучевые облака, подсвечиваемые золотистыми лучами поднявшегося над островом солнца. Затем Павел перевёл взгляд на бирюзовую гладь озера, лежащего посреди тёмно-зелёной тайги.

– Правда, хочется подняться в небо и полететь над озером? – спросила Фотиния.

Павел кивнул и с восхищением посмотрел на девушку. Фотиния была красива. В столице он уже давно не встречал таких красавиц. Белое платье подчёркивало её стройную фигуру. Павла восхищали её бездонные синие глаза, светлые волосы, прядка которых выбивалась из-под платка, милая улыбка и ямочки на щёках.

Он взял её за руки, притянул к себе и поцеловал её в мягкие губы, которые пахли мёдом и земляникой. Фотиния отстранилась.

– Какая же ты красивая, Светлана! – сказал Павел.

– Почему ты меня снова так назвал? – удивилась Фотиния.

– Мне кажется, будто это твоё настоящее имя. Оно больше тебе подходит.

– Странно. Именно так хотела назвать меня мама. Однако отец настоял, и при крещении меня наименовали Фотинией.

– Фотиния тоже хорошее имя. Я тебя так буду называть при людях. А Светланой стану называть, когда мы будем наедине.

– О чём ты говоришь? У нас так не принято... Я и так удивилась, что меня отец с тобой отпустил. Видно он считает тебя больным, а ты, я гляжу, выздоравливать начал.

– У вас тут суровые обычаи?

– Нет. У нас тут не суровые обычаи. Просто тебе слишком много лет.

Павел грустно посмотрел на Фотинию.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Хотя, мне ты очень нравишься и мне наплевать на разницу в возрасте. Вот только если узнает Пётр...

– Это кто такой? – поинтересовался Павел.

– Сын Игоря, который тебя сюда привёз. Пётр за мной давно ухаживает. Все считают его моим женихом.

– Вот как? – грустно произнёс Павел.

– Но я его не люблю. Он скучный. Пётр никогда не будет долго стоять на берегу озера, смотреть при свете луны на набегающие на берег волны и рассуждать, как шепчут звёзды, – сказала Фотиния и попросила:

– Пожалуйста, назови меня ещё раз Светланой.

– Светлана, нам ещё долго идти?

– Нет. Спустимся с холма, пройдем по мосту, переброшенному через узкий залив, а там, за перелеском, находится пасека, от которой недалеко до Медной горы. Мост можно и обойти, но в тех местах сплошные заросли кустарника, да и идти в обход далеко.

Они пошли дальше.

– Я слышал, ваш литейщик из руды, добытой в Медной горе, отливают колокола.

– Да. Все колокола для церкви он вместе с подмастерьями делал. Агапов не только колокола отливают, но и всякий инвентарь изготавливает – лопаты, грабли, вилы и топоры.

– А подковы он куёт?

– Зачем? Лошадей на острове нет.

– Что ж не завели?

– Откуда мне знать? У нас на острове есть три поля, которые засеиваем пшеницей, рожью и овсом. А пашет у нас дядя Игорь.

– Так он не только охотник?

– Не только.

– И что же, он сам с плугом ходит?

– Нет. Зачем сам? У него лось для этого есть.

– Лось – это фамилия или прозвище?

– Лось – это животное.

– Так он на сохатом пашет? – изумился Павел.

– Ну, да.

– Чудно тут у вас – на диких животных пашете.

– Этот лось ручной. Однажды поздней осенью звонарь Серёжа подобрал на берегу озера маленького лосёнка, который по льду добрался до Звон-острова. Видно его мать волки задрали или она просто умерла.

– И как же сохатого пахать заставили? Ведь лоси дикие животные.

– Серёжа особые слова знает. Он лосёнка Дружком назвал, как пса, а собаки верны человеку. Вот лосёнок и выполнял команды звонаря, а точнее – просьбы. Командовать Серёжа не умеет. Добрый он очень, чтобы командовать. Серёжа своего Дружка пахать научил. Сначала Дружок маленький плуг таскал, почти игрушечный. Для них это была игра. А потом дядя Игорь это заметил и уговорил Серёжу ему Дружка отдать для работы.

– Интересно взглянуть, как лось пашет, – улыбнулся Павел.

– Ещё увидишь.

В этот момент послышался громкий хлопок, за которым последовал шумный протяжный вздох. Павел насторожился и посмотрел на серебрящееся под солнечными лучами озеро.

– Это озеро снова вздохнуло. У нас так об этом явлении говорят, – сказала Фотиния.

– Что это за явление? – удивился Павел.

– Этот звук на самом деле больше похож не на вздох, а на стон. А наши рыбаки называют эти звуки зовом озера. Иногда на поверхности озера можно заметить большой пузырь, который потом лопается с хлопком.

– Из-за чего тот пузырь появляется?

– Разное говорят. Мой отец считает, что это бывает, когда со дна озера поднимаются газы. Но никто точно не знает, из-за чего так бывает. Ведь это же не болото – вода в озере чистая. Откуда в озере газам взяться? Да ты этими пузырями, гляжу, заинтересовался. Только знай, что к такому пузырю приближаться опасно. Лет десять назад три рыбака далеко от берега ставили сети. Люди с причала видели, как возле рыбацкой лодки появился большой пузырь, который лопнул, хлопнул – и всё! – Фотиния безнадежно махнула рукой.

– И что же случилось с рыбаками?

– Пропали вместе с лодкой. Утонули, наверно. Среди них был Пахом – родной брат Игоря, который тебя сюда доставил. Пахом – дядя Петра.

Павел нахмурился.

– Не обижайся – я постараюсь как можно реже упоминать о Петре, – пообещала Фотиния.

Они подошли к мосту, переброшенному через узкий залив, глубоко вдающийся вглубь острова.

– Давай искупаемся, – предложила Фотиния.

– Ты собираешься плавать в одежде?

– Я обычно так купаюсь в озере возле села.

– А пузырей не боишься?

– Возле острова их не бывает. К тому же, известно: если недавно пузырь взорвался, следующего несколько дней не будет.

– А где мы спустимся к воде?

– Мы не станем спускаться. Давай прыгнем с моста!

Павел покачал головой.

– Или ты боишься? – спросила Фотиния. – Тут не расшибёшься – залив глубокий и камней на дне нет.

– Да ничего я не боюсь, – сказал Павел и вдруг вспомнил, что преследовавшая его Боль отступила. На этом острове он ощущал себя здоровым.

Фотиния ступила на мост, сложенный из шести длинных брёвен, связанных канатами. Павел последовал за ней. Они вышли на середину моста.

– Здесь до воды метров десять будет, – сказал Павел, стараясь ничем не выдать своего волнения.

– Я уже не раз прыгала с моста в воду. Мальчишки тут часто ныряют.

Фотиния подошла к краю моста, прыгнула и ушла под воду. Вскоре она выплыла на поверхность и помахала рукой Павлу.

Павел, зажмурился и шагнул...

Он ушёл под воду и вокруг него забурлили мелкие воздушные пузырьки. От холодной воды у него перехватило дыхание.

«Как же неудобно плавать в одежде!» – подумал Павел, вынырнув на поверхность

Неподалёку он увидел Фотинию. Она весело засмеялась, закричала: «Догоняй!» и быстро поплыла к берегу. Павел не смог догнать её. Когда он вышел из воды, Фотиния уже стояла на берегу.

– Мы поступили безрассудно. Теперь надо сушить одежду, – сказал Павел.

– Зачем? – удивилась девушка. – Сегодня жаркий день. Одежда на нас быстро высохнет.

– Думаешь, не простудимся?

– Не простудимся. Ведь сейчас не зима. А ты смелый, – сказала Фотиния. – А вот Пётр испугался – не смог с моста прыгнуть.

– Опять этот Пётр! – в сердцах воскликнул Павел.

В это время над озером послышался нарастающий гул.

– Что это? – заволновалась Фотиния.

Павел поднял голову и посмотрел ввысь. Над озером, в сторону Звон-острова, летел небольшой белый вертолёт. С ужасом в глазах Фотиния смотрела на приближающуюся винтокрылую машину.

– Ты не боишься прыгать с моста, а испугалась обыкновенного вертолёта? – удивился Павел.

– Отец и дядя Игорь рассказывали мне про упавшие в тайге вертолёты, но я никогда не думала, что такая штукавина может прилететь к нашему острову

Вертолёт приблизился к острову в районе причала и скрылся за деревьями. Стрекотание винтов стихло.

Глава 4. Встреча с прошлым

– Пойдём к селу! – позвала Фотиния.

– Куда же мы сейчас пойдём? Платье твоё ещё не просохло. Да и моя одежда вся мокрая. К тому же, мы на пасеку шли, – напомнил Павел.

– Пасека подождёт. Я хочу увидеть вертолёт вблизи. Ведь раньше на Звон-остров вертолёты никогда не прилетали. К тому же, на вертолёте ты и твой раненый друг можете вернуться домой.

– Но мне не хочется возвращаться в город. Мне хорошо на Звон-острове.

– Мне тоже хочется, чтобы ты остался здесь надолго, – призналась девушка. – Но я давно мечтала увидеть вертолёт.

– Что ж, давай вернёмся в село, – согласился Павел.

Они поднялись по крутому склону, возле моста отыскивали тропку и по ней направились назад, к селу.

Вскоре они вышли к храму и направились к селу. Снова, как и утром, в одном из дворов забрехала была собака, но тут же смолкла. Ещё издалека, они слышали возбуждённые голоса, доносившиеся с берега озера.

Несмотря на жару, одежда на Павле и Фотинии полностью не высохла.

– Как мы объясним, что на нас влажная одежда? – спросил Павел.

– Скажем, что ты испугался хлопка озёрного пузыря и свалился с моста, а я тебя вытащила из воды, – улыбнувшись, сказала Фотиния.

Вскоре они добрались до села и направились к причалу, возле которого собралась толпа.

На их появление никто не обратил внимания. Павел и Фотиния встали за спинами жителей села. Невысокой Фотинии было плохо видно, а Павел мог разглядеть происходящее через головы зевак.

На берегу озера стоял белый четырёхместный вертолёт. Взрослые жители острова тихо переговаривались. Дети и подростки окружили вертолёт и осторожно трогали его корпус руками.

Высунувшийся из кабины пилот прикрикнул на ребятшек, и те отошли от машины. Из вертолёта выбрались мужчина и женщина.

Темноволосая женщина в синем брючном костюме и в модных очках с затемнёнными стёклами стояла, гордо выпрямив спину. Голубой шёлковый платок змейкой обвивал её изящную шею. Стоявший рядом с ней лысый широкоплечий мужчина в камуфляжной куртке и брюках, держал в правой руке большую коричневую сумку. Он всматривался в толпу, словно стараясь в ней кого-то отыскать. Павел узнал их – это были Наталья и Олег. Ему захотелось скрыться от них. Стараясь не привлекать к себе внимания, Павел зашёл за густые кусты сирени. За ним последовала Фотиния.

– Почему ты ушёл? Ты знаешь этих людей? Я с трудом смогла рассмотреть возле вертолёта мужчину и женщину. Это плохие люди, да? – спросила Фотиния. – Отец говорил, что если сюда прилетят с Большой Земли люди, то это может плохо закончиться для нас, жителей Звон-острова.

– Я знаю этих людей. Мужчина – мой друг. Его зовут Олег. А женщина – моя бывшая подруга – Наталья. Она успела сменить причёску – сделала короткую стрижку.

– Значит, у тебя была жена, – тихо проговорила Фотиния.

– Мы с ней были не расписаны и жили в разных домах, – поспешил сказать Павел. – Я расстался с Натальей и не собираюсь с ней встречаться. Олег – совершенно другое дело. Он мой друг, но из-за Натальи я не хочу показываться и ему на глаза.

– Значит, они прилетели за тобой. У тебя хороший друг, и твоя Наталья тебя любит.

– Думаю, в чувствах Натальи ты ошибаешься. Она прилетела вовсе не из-за любви ко мне. Её привело сюда нечто иное. Я только не могу понять, каким образом они отыскали Звон-остров? Надеюсь: они не узнают, что я здесь.

– Ошибаешься. Они сейчас всё выведуют у сельчан.

– Я думал, что таёжные жители немногословны и не выдают своих гостей.

– Тобой интересуются твой друг и твоя жена, а не полицейские, о которых мне рассказывал отец, и не пришлые лихие люди, которые наведывались лет тридцать назад на наш остров. Так что про тебя гостям сейчас наши бабы расскажут.

– Только больше не называй Наталью моей женой, – попросил Павел.

– Но ведь это так и есть, – сказала Фотиния и предложила:

– Пойдём ко мне. Мои родители наверняка дома. Их не видно в толпе.

– Пойдём, – согласился Павел, который желал уйти подальше от вертолётта.

«Вот те раз! В кои времена мне улыбнулось счастье – я встретил милую девушку, и тут же появилась Наталья! Подумать только: на Звон-остров десятки лет не приземлялись вертолётты, а тут, не успел я сюда попасть, как прилетела Наталья. Да ещё Олег ей в этом помог. Тоже ещё – друг называется!» – грустно размышлял Павел, пока они с Фотинией, скрываясь за зарослями кустарника, пробирались к избе её родителей.

Они зашли в избу. Павел машинально закрыл входную дверь на щеколду.

Фёдор и Арина сидели за столом в большой комнате и ели отварную картошку с солёными огурцами.

– Не ожидали, что вы так быстро вернётесь. Что ж, присаживайтесь! – предложил Фёдор и, придирчиво осмотрев одежду Фотинии и Павла, обратился к жене:

– Арина, накорми их.

Павел и Фотиния уселись за стол. Хозяйка вышла на кухню.

– Почему на вас мокрая одежда? – нахмурившись, спросил Фёдор.

– Павел упал с моста, когда услышал, как хлопнул на озере пузырь... – начала Фотиния.

– Врать, дочка, нехорошо. Ведь наверняка, ты его уговорила с моста прыгнуть. Ведь ты бедовая. С моста обычно мальчишки прыгают, а не взрослые люди. И ты, Павел, тоже, хорош. Взрослый мужик, с виду серьёзный, к тому же болезненный, а любишь шалить. Неужели не понимаешь, что с того моста опасно прыгать?

Фотиния покраснела. Павел решил перевести разговор на другую тему и спросил:

– Как себя чувствует Анатолий?

– Ему лучше. Сейчас он спит в дальней комнате... Значит, до пасечника вы так и не добрались.

– Не добрались, – ответил Павел.

– Ты, дочка, потом поешь. Сначала переоденься. Во влажном платье и простудиться недолго. Ступай к себе! – приказал Фёдор.

– Да и Павлуше следует переодеться в сухую одежду, – сказала Арина, вернувшаяся с чугуном, наполненным отварной картошкой.

– Ему необязательно переодеваться. У него нет сменной одежды, а свою рубаху и штаны я ему отдавать не собираюсь, – сердито проговорил Фёдор.

Фотиния встала и направилась в соседнюю комнату.

– Что ты на Павла волком смотришь, Фёдор? Ты сам виноват. Зачем позволил дочери проводить гостя до пасеки? – напомнила Арина.

Павел сидел и ложкой перекачивал по миске остывшую картофелину.

– Вы с Фотинией видели прилетевший на остров вертолёт? – спросил Фёдор.

– Видели, – кивнул Павел.

– Мы с Ариной не пошли на него смотреть. Соседи все побежали взглянуть на него, а мы дома остались. Многие жители Звон-острова никогда не видели эту диковинку, а другие позабыли, что такие машины летают по воздуху. Одичали мы тут, – махнул рукой Фёдор.

– Отчего же не пошли к вертолёту? – поинтересовался Павел.

Он раздавил ложкой картофелину и проглотил кусочек рассыпчатой золотистой мякоти.

– Не рад я этому. Плохо, что на Звон-остров вертолёт прилетел. Теперь разстреляют по всему миру про наш остров. Как у них только горячего хватило, чтобы сюда добраться? – недовольно произнёс Фёдор.

Тут в дверь постучали.

– Открывайте! К вам гости на вертолёте прилетели, – послышался из-за двери хриплый мужской голос.

– Это Игорь, – Фёдор признал гостя.

– Я не хочу с дядей Игорем встречаться, – выглянув из-за двери, сказала уже успевшая переодеться в сухой сарафан Фотиния. Она тут же скрылась в соседней комнате.

– А я не желаю встречаться с теми, кого Игорь привёл. Вернее, не хочу видаться с прилетевшей за мной женщиной, – сказал Павел.

– Ты уж, мил человек, оставайся здесь, коли, по твою душу гости пришли, – настоял Фёдор и положил свою тяжёлую руку на запястье Павла и обратился к жене:

– Арина, отвори дверь!

Хозяйка открыла дверь, и в избу прошли Игорь, Олег и Наталья.

– От кого запираетесь? Всегда дверь открытой ведь держали, – удивился Игорь.

– Это я её закрыл, – признался Павел.

– И правильно сделал. На нашем острове много чужих людей объявилось, – недовольно отметил Фёдор.

– Всего не много, а всего трое. Вот эти двое и лётчик, – сказал Игорь.

– Что им надо? – недружелюбным тоном спросил Фёдор.

– Твоего гостя хотят увидеть.

Выглядывавшая из-за плеча Игоря, Наталья бесцеремонно отодвинула его и воскликнула:

– Павел! Как здорово, что ты жив!

Фёдор вскинул брови и с неодобрением посмотрел на Павла.

– Ты зачем прилетела? – вставая из-за стола, спросил Павел.

– Как это зачем?! – снимая солнцезащитные очки, с гневом воскликнула женщина.

Наталья посмотрела на Павла хищным взглядом.

– Ничего себе! Да я так сильно переживала за тебя, когда узнала, что самолёт, на котором ты летел, упал где-то в тайге! Его, кстати, до сих пор не нашли.

– Просто некому этим заниматься. Сейчас не до пропавших самолётов. По всему миру много укушенных пчёлами людей. Да и на аэродромах паника. Рои пчёл мешают полётам. Никто не предполагал, что на Земле ещё осталось столько пчёл, – рассказал Олег.

– Да. На Земле было много пчёл, – грустно кивнул Павел. – А то, что сейчас происходит – это начало финала относительно благополучного существования нашей цивилизации.

– Да что же мы стоим? – воскликнул Олег, бросаясь к Павлу и обнимая его. – А ты стал лучше выглядеть за то короткое время, что ты провёл в этой глухомани.

– Как вы сюда добрались? – поинтересовался Павел.

– За немалую сумму я нанял пилота вертолёта, который согласился лететь на поиски упавшего самолёта. Я велел пилоту кружить над тайгой. Мы не нашли обломки самолёта. Зато мы обнаружили это село на острове посреди озера и совершили здесь посадку. Честно скажу, у меня было мало надежды встретить тебя здесь. И вот такая удача! – рассказал Олег.

– Каким образом она оказалась в вертолётё? – спросил Павел и кивнул в сторону Натальи, которая, услышав эти слова, издала звуки, похожие на клёкот хищной птицы.

– Наталья уговорила меня взять её с собой, когда узнала, что я собираюсь начать поиски.

– Я переживала за тебя, Павел, а ты так плохо относишься ко мне! – воскликнула Наталья.

– Догадываюсь, ради чего ты прилетела. Если ты насчёт квартиры, то я с тобой не буду разговаривать на эту тему, – сказал Павел.

– И насчёт неё тоже. Ведь ты скоро умрёшь. Почему ты не думаешь обо мне? – срывающимся голосом сказала Наталья.

– А ну сгиньте отсюда! Все – вон из моего дома! – прогремел Фёдор и стукнул кулаком по столу.

Миски подскочили на столе. Арина, запричитав, скрылась в комнате, куда недавно ушла Фотиния.

– Мужлан! – выкрикнула в адрес хозяина дома Наталья и вышла из избы.

Игорь, Павел и Олег последовали за ней.

Фёдор встал из-за стола, подбежал к входной двери, с силой захлопнул её и закрыл дверь на щеколду. Потом хозяин сел за стол. На лбу его вздулась и стала пульсировать жила.

– Успокойся. Поешь картошечки, – принялась уговаривать мужа вернувшаяся из соседней комнаты Арина.

– Какая ещё картошечка! Ну, ты мне скажи: зачем они все сюда притащились? И ведь не как иные люди на Звон-остров приходили, чтобы остаться здесь навсегда. Эти ведь прилетели, чтобы решать свои мерзкие городские проблемы. И пришли, ко всему прочему, в мой дом! – возмущался Фёдор.

– Между прочим, Павел не прилетел, – его на Звон-остров привёз на лодке дядя Игорь, – напомнила зашедшая в комнату Фотиния.

– Точно, его Игорь привёз. И этих двух летунов он сюда привёл. Тоже мне, доброту нашёлся! – проворчал Фёдор и принялся без аппетита жевать картошку.

Потом он швырнул ложку на стол, встал и начал нервно прохаживаться из угла в угол.

Наталья, словно ошпаренная, выскочила из избы и со слезами на глазах направилась к вертолёту. Она забралась в салон, села рядом с пилотом, захлопнула дверь и крикнула:

– На этом острове обитают наглые дикие мужики и тупые бабы!

Возле вертолётё уже не было толпы. Местные жители потеряли к нему интерес. Лишь несколько мальчишек, стоявшие неподалёку, рассматривали летательный аппарат со стороны.

– Давай я тебя познакомлю с пилотом, – предложил Олег Павлу. – Константин – классный лётчик. С ним совершенно не страшно лететь над тайгой. Маршрут теперь известен, запасное горючее есть. Мы долетим до небольшой деревеньки, которая находится в нескольких сотнях километров отсюда. Я забыл, как она называется. Оттуда уже можно добраться до города, – сказал Олег.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь? – спросил Павел. – Или ты надеешься, что я полечу с вами?

– А разве ты решил остаться? – опешил Олег.

– Я поживу некоторое время на Звон-острове, – заявил Павел.

– А как же дед Игнат? Ведь он тебя ждёт.

– Передай ему мои извинения. Понимаешь, здесь есть всё, что нужно для простого счастья: земляника на полянах, грибы в лесу, рыба в озере, мёд на пасеке. Кстати, здесь пчёлы не болеют, не дохнут и не нападают на людей.

– Значит, до этих мест вирус ещё не добрался.

– Ты зачем взял с собой Наталью?

– Она так упрашивала меня, что я поверил, будто она искренне о тебе беспокоится.

– Ты же знаешь, что её только моя жилплощадь интересует, а не я сам. До меня ей нет никакого дела. А здесь, на Звон-острове, я понял, что такое настоящая жизнь. Я на этом острове словно заново родился. Ко мне будто вернулась юность. Я теперь верю, что не умру, и впереди меня ждёт долгая и счастливая жизнь.

– Вон ты как заговорил! Может, ты в этой глуши себе и невесту успел найти?

– Ты что, допрашиваешь меня? – недовольно спросил Павел.

– Похоже, ты действительно выздоравливаешь. Слушай, а может мне тоже здесь остаться?

– Оставайся.

– А ведь, правда! Я устал. В городе у меня никого нет. Вот и ты не хочешь возвращаться. В городе мне будет одиноко и скучно. К тому же, по телевидению вещают, что наступают последние времена. И всё это из-за пчёл. После того, как пчёлы полностью исчезнут, усугубятся проблемы с продуктами – со злаками, фруктами, овощами. Скажи, тут принимают на постоянное место жительства?

– Принимают. Только вот тому, что вы на вертолёте прилетели, не все местные жители рады. Оно и понятно: не хотят они, чтобы об их острове все узнали.

Павел бросил взгляд на вертолёт и встретился с ненавидящим взглядом Натальи. Острая Боль пронзила его желудок. Он поморщился.

– Да не смотри ты на неё! – сказал Олег. – Своим взглядом Наталья может любого испепелить. Я с ней уже пообщался. Когда мы с ней поспорили из-за пустяка, у меня сердце прихватило.

– Вот и закончилась моя короткая встреча с Натальей – встреча с прошлым, – проговорил Павел.

К нему подошла Фотиния и спросила:

– Тебе плохо?

– Уже лучше. Сейчас пройдёт. Ты подошла, и мне стало легче. Это правда, – сказал Павел.

Олег кашлянул и поинтересовался:

– Скажи, красавица, а на вашем острове, кроме тебя, есть добрые и красивые девушки?

– Есть. Только какая же я красивая? – смутившись, ответила Фотиния.

– Павел, я остаюсь на острове! – объявил Олег.

– Так ты действительно не вернёшься домой? – удивлённо спросил Павел.

– Почему ты так удивляешься? Ведь ты сам здесь, как вижу, уже прижился.

– Но я попал сюда после крушения самолёта, можно сказать случайно.

– А я принял решение.

– Что-то слишком быстро.

– Ты же знаешь, со мной так не раз бывало.

– Значит, Наталья улетит без тебя, – сказал Павел и посмотрел на вертолёт.

Сидевшая в вертолёте Наталья бросала злобные взгляды на Фотинию и Павла.

Олег подошёл к вертолёту и переговорил с пилотом. Наталья махнула рукой.

Олег поспешил отойти подальше от машины. Заработали винты. Вертолёт поднялся над озером и полетел в сторону речки со смешным названием Стрекозка. Наталья, стараясь перекричать гул, крикнула пилоту:

– Хорошо бы на этом острове построить дом отдыха или турбазу! Здесь можно организовать туристический рай.

– Место отличное. Только слишком далеко расположен этот остров от населённых пунктов. Да и местные жители странные. Мне кажется, они будут недовольны, если здесь развернётся строительство.

– Наплевать на жителей! У меня есть знакомые, которые с удовольствием возьмутся за реализацию моей идеи.

– Здесь нет удобств.

– Ерунда. Удобства будут. Зато здесь я не видела бешеных пчёл, от которых весь мир не знает, куда деться.

– Они есть. Пчёлы мирно летали возле вертолётки и опускались на цветы. Я обратил внимание, что они не агрессивны.

– Ну и ладно! Пусть всё на этом острове останется, как есть. Меня это особо не волнует. Лучше скажи, горючего у нас хватит? А то вокруг одна тайга. Ты слышишь? Что молчишь, Константин? – спросила Наталья.

– Должно хватить. Я заправил баки из канистр. Хорошо, что много горючего с собой взяли, – отозвался пилот.

– Что ж, Пашенька, прощай! Оставайся со своей юной дикаркой. Скоро похоронят тебя на этом островке, и никто не узнает, где твоя могилка, – хмуро взглянув на удаляющийся остров, прошептала Наталья.

– Вы что там всё время шепчете? – поинтересовался пилот.

– Ничего.

– Не нашли того, кого искали?

– Не нашла. А тебе какое дело?

– Интересно, почему Олег остался?

– Его надо было спросить.

– А рядом с девушкой был не тот его друг, которого вы оба искали?

Хмуро взглянув на пилота, Наталья закричала:

– Да что ты ко мне лезешь с расспросами? Заткнёшься ты или нет?! – закричала Наталья.

Пилот хмуро посмотрел на пассажирку, выругался и надел наушники.

Некоторое время вертолёт летел над тайгой, но затем начал снижаться. Вертолёт трянуло.

– Что происходит? Константин, ты видишь, мы падаем! – заверещала Наталья. – Да снимите вы наушники!

Она толкнула пилота в плечо и вскрикнула. На груди пилота расплывалось алое пятно. Она взглянула на ветровое стекло, в котором зияло отверстие, от которого во все стороны разбежались трещины. Константин шевелил губами, но из его слов ничего нельзя было разобрать. Он не выпускал штурвал из рук и всё ещё пытался управлять машиной, но руки его слабели. Срубив винтами еловые ветви, вертолёт приземлился в глухой тайге. Несмотря на сильный удар при посадке, приземление оказалось удачным.

Наталья распахнула дверь и спрыгнула на землю. У неё гудела голова и болела спина – при жёсткой посадке её сильно трянуло.словно в полусне, она пошла напролом через чащу, ругаясь и проклиная про себя и Павла, и Олега, и пилота, и того, кто выстрелил в него, а особенно часто поминала она нехорошими словами девушку, из-за которой Павел остался на острове.

Пройдя около километра, Наталья услышала голоса. Сначала она собиралась позвать на помощь, но что-то её от этого удержало. Она залегла в невысокой траве за могучей елью и затаилась.

Вскоре мимо неё прошли пятеро хмурых бородатых мужчин в серых робах с грязными серыми мешками за спиной. Все они, кроме одного, были с винтовками. Незнакомцы глухо переговаривались между собой. В один момент Наталье показалось, что один из знакомцев посмотрел на неё. В ужасе она уткнулась лицом во влажный мох и застыла. Однако странные путники прошли мимо и стали удаляться. Впрочем, они ушли недалеко – остановились на поляне, неподалёку от места, где пряталась Наталья. Один из них, очевидно старший, хриплым голосом объявил:

– Привал! Доставайте консервы!

Усевшись на поваленную ель, они стали громко разговаривать. Наталья, хотя и не видела их, но слышала их беседу.

Один из незнакомцев хохотнул и сказал:

– Это ты, Мотыль, хорошо ты, придумал! Неплохие получились консервы. Сладкое мясо. До сих пор вертухаи, наверно, думают, что те двое, которые пошли на консервы, с нами вместе сбежали. Наверно, на зоне сейчас паника! Знали бы они, что мы ещё схрон отрыли с винтарями – взбесились бы! Наверно, нас ищут, как ты думаешь, Мотыль?

– Ищут. Только не найдут, – хриплым голосом произнёс Мотыль. – Лучше, чем болтать, ты бы, Бурундук, за валежником сходил. Пора костёр развести.

Наталья прислушивалась к их разговору. Услышав, о каких консервах шла речь, она содрогнулась. Наталья подумала, что Павел неплохой мужик, и не такой уж вредный и жадный.

Положение затаившейся в траве женщины было незавидным. Её беспощадно кусали комары и мошка, но она не отгоняла назойливых насекомых.

– Слушай, Мотыль, а мы верно идём? Вертолёт точно в той стороне упал? – спросил человек со звонким молодым голосом.

– Там он рухнул, – хриплым голосом ответил Мотыль.

– А вдруг он улетел?

– Ты, Заморыш, слышал, что он перестал стрекотать? – раздражённо спросил Мотыль.

– Слышал.

– А что тогда спрашиваешь? Я в голову пилоту целил. Он точно готов. И взрыва при падении не было. Так что вертолёт неподалёку, – уверил Мотыль. – Вот только цел ли он?

– Рядом с пилотом, между прочим, молодая бабёнка сидела, – сообщил Бурундук. – Интересно, что с ней?

– Может, она разбилась. Но если живой она осталась, то ей не повезло. Мы скоро к ней придём. Колян, ты рад? – спросил Мотыль и хохотнул.

– Рад. Я соскучился по бабам, – басом отозвался ещё один собеседник.

– Пойдёмте туда быстрее! – предложил Бурундук.

– Я тебе что велел делать? – спросил Мотыль.

– Валежник собрать.

– Так ступай! Не зли меня! – прохрипел Мотыль.

– А долго нам ещё идти? Я уже все ноги истоптал, – пожаловался Заморыш.

– Потерпишь. А будешь много вопросов задавать, как только консервы закончатся, тебя освежаем и поджарим, – пообещал Мотыль. – Молись, чтобы вертолёт можно было починить или в нём продукты нашлись.

– Ты это серьёзно, Мотыль? Ты зачем так говоришь? – дрогнувшим голосом жалобно произнёс Заморыш.

– Да надоел ты всем! Правильно Мотыль тебе говорит, ты следующий на жрачку пойдёшь. По делу, тебя тоже мы должны были на консервы пустить, да вот взяли с собой, чтобы много не тащить, – неожиданно признался Колян.

– Да ты что, Колян? Да вы что, мужики?! Так же нельзя! – пролепетал Заморыш.

– Достал ты уже всех своим нытьём! Пришло время тобой заняться, – с угрозой в голосе сказал Мотыль.

– Молчал бы ты лучше, Заморыш. Не возникай! – сказал ещё один участник беседы хриловатым уставшим голосом – Тебе пока везёт. Может, и дальше везти будет. Еда у нас пока есть. Я вчера двух куропаток подстрелил.

– Ты, Трофимыч, больше не пали по пичугам. В них мяса почти нет. Надо беречь патроны, – посоветовал Колян.

– Ну, а вы чувака не запугивайте, а то он вон какой бледный сидит! – сказал Трофимыч и с усмешкой произнёс:

– Между прочим, самый жирный среди нас – это ты, Колян. Удивительно, но ты даже на зоне не похудел.

– Здесь я решаю, что делать! И только твой почтенный возраст и заслуги перед братвой, Трофимыч, позволяют тебе брехать и так рассуждать о моём кореше. Смотри, договоришься! – сурово произнёс Мотыль.

– Старость надо уважать. Ты хоть и авторитет, Мотыль, но меня тебе не стоит задевать, – во вкрадчивом голосе Трофимыча послышались нотки угрозы.

Мотыль не ответил на эти слова старика.

Тем временем коренастый широкоплечий мужик с охапкой сухих веток в руках, не заметив лежавшую в траве Наталью, прошёл рядом с ней.

«Это Бурундук хворост собирает», – догадалась до смерти перепуганная Наталья.

У неё сильно чесалась искусанная гнусом кожа. Женщина с трудом сдерживалась, чтобы не пошевелиться и не застонать.

«Скорее бы всё это закончилось!», – думала Наталья, мечтая лишь о том, чтобы эти мужики поскорее ушли с поляны.

Однако те не торопились. Они развели костёр, а затем принялись за трапезу. До Натальи донёлся запах дыма, и она с трудом сдержалась, чтобы не чихнуть. Потом послышалось чавканье. Зная, что злодеи едят, женщина в очередной раз содрогнулась.

– Что это ты наши консервы не ешь, Трофимыч? – причмокивая, спросил старика Колян.

– Не желаю, – угрюмо ответил старик.

– Вот вы с Заморышем сейчас догрызёте куропаток и спустя полдня станете выть от голода, – с усмешкой произнёс Колян.

– Зря вы на человечину подсели, – сказал Трофимыч.

– Ты попробуй – вкусно! – сказал Колян.

– Может, это так с голодухи кажется? – робко спросил Бурундук.

– То-то и оно! Привыкнете, а потом проблемы будут, когда заживёте в городе, – тяжело вздохнув, проговорил Трофимыч.

Снова до Натальи донеслось чавканье. Потом, громко рыгнув, Мотыль сказал:

– Ну, вот и пожрали. Можно дальше идти. А ну, Бурундук, затуши костёр!

– Зачем? Костёр сам догорит, – возразил Бурундук.

Мотыль врезал кулаком в челюсть Бурундуку и тот рухнул на землю.

– Ведь мы в тайге заживо сгорим, если хвойная подстилка от костра займётся, а потом огонь по елям побежит. Ты не знаешь, что такое таёжный пожар? – угрюмо произнёс Мотыль.

– Зря ты с Мотылём споришь, – сказал Колян и помог Бурундуку, сплёвывавшему кровь на траву, встать.

Бурундук, утирая рукавом окровавленный рот, принялся сапогами раскидывать и давить раскалённые угли.

Высокий худощавый Мотыль направился дальше. За ним, покачиваясь, пошёл Бурундук.

– А тебе особое приглашение требуется? – спросил Колян шуплого паренька с рябым лицом и утиным носом.

Подтолкнув Заморыша в спину, толстый рослый Колян направился следом за ним. Замыкал шествие Трофимыч – худой сутулый старик.

Наталья осмелилась приподняться на локтях, и посмотреть вслед уходившим злодеям. Потом она снова легла в траву и дождалась, когда не стало слышно шагов. Наталья встала с земли и принялась расчёсывать до крови кожу на лице и кистях рук, искусанную комарами и мошкой. Гнус продолжал её одолевать. Отмахиваясь от мелких кровососов, она скрылась в зарослях.

Наталья долго брела по тайге, пока не вышла на крутой берег широкой реки. Она направилась вдоль берега, с опаской поглядывая на чащу, из которой, время от времени, доносилось

грозное рычание. Когда солнце стало садиться за дальний лес за рекой, она услышала у себя за спиной громкое дыхание и тяжёлую поступь. Наталья оглянулась и увидела матёрого медведя, внимательно смотревшего на неё своими злыми глазами. В первое мгновение Наталья оцепенела, а потом стала отступать к краю обрыва. Она оступилась и, сорвавшись с обрыва, упала в реку.

Уйдя с головой под воду, Наталья энергично заработала руками и ногами и выплыла на поверхность. На середине реки она заметила плывший по течению пустой плот. Ей удалось забраться на него. Дрожа от холода и пережитого страха, Наталья села на связанные прочными верёвками мокрые брёвна и осмотрелась.

На плоту лежал мокрый рюкзак, примотанный верёвкой к вбитому в бревно большому ржавому гвоздю. Наталья не стала задумываться, откуда взялся плот, на котором не было людей. Она развязала рюкзак, в котором оказались консервы в металлических банках. Она не смогла их вскрыть. Также в рюкзаке хранились полиэтиленовые пакеты с тухлым сыром и варёной колбасой, а на его дне Наталья отыскала намокшую пачку печенья. Она съела всё разбухшее печенье и стала понемногу приходить в себя после всего пережитого за последний день.

– Мерзавец! – ощутив прилив сил, проговорила Наталья. – Каков негодяй, этот Смирнов! Больной называется! Уже успел найти молодую девицу в такой глуши. Всё равно ведь скоро помрёт, а несчастная его квартирка отойдёт к каким-нибудь его дальним родственникам.

Не в силах сдержаться, она стукнула кулаком по бревну и, сильно ударившись, поморщилась.

– И Олег, его дружок, тоже хорош – остался с ним, подлец! А пилот – вообще придурок. Ну, как он мог лететь на такой высоте, чтобы схлопотать пулю? Впрочем, откуда ему было знать, что по тайге бродят беглые зеки.

Выговорившись, она вдруг поняла, что злиться и ругаться на плоту бессмысленно. Наталья поджала под себя ноги и, громко по-волчьи завyla. Ей отозвался, вышедший на отлогий берег волк, завывший протяжно и тоскливо. Наталья завалилась на спину и, раскинув руки и вытаращив глаза, дико закричала, а потом затихла.

Стемнело. Плот продолжал плыть по течению. Наступила тёмная беззвёздная ночь. Наталья уснула, а на рассвете пробудилась.

Следующий унылый облачный серый день и очередную тёмную ночь она также провела на плоту. Правда, этой ночью Наталья несколько раз просыпалась. Ей чудились странные голоса, а потом ей привиделся светящийся прозрачный силуэт девушки, которая была похожа на ту, которая стояла рядом с Павлом на проклятом острове. Призрачная девушка внимательно посмотрела на неё и осуждающе покачала головой. Наталья отнесла это странное явление на расстройство своего воображения, порождённое голодом и переутомлением.

На рассвете в тумане послышался звук мотора. Не вставая, Наталья повернула голову и увидела, как из-за поворота реки показалась моторная лодка с двумя мужчинами на борту, которые были одеты в камуфляжную форму. Моторка приблизилась к плоту.

– Ты говорил, Клим, что тут могут быть браконьеры. Сколько лет работаю инспектором рыбонадзора, а тут их не встречал. В этом медвежьем углу вообще редко человека можно встретить, – сказал сидевший за рулём седой пожилой мужчина. – Видно, мы с тобой план за этот месяц не выполним. Нет здесь никаких браконьеров.

– Зато человека спасём, Степаныч! Эта женщина, которая лежит на плоту, чуть шевелится. Она нам теперь по гроб жизни благодарна будет, – сказал молодой светловолосый коротко стриженный юноша.

– Судя по одежде, это городская краля. От такой чёрта с два дождёшься благодарности, – сказал Степаныч.

– Откуда тут взялся плот с бабой? – удивился Клим.

– Похоже, туристы сплавились по реке на плоту и все погибли. В верховьях эта река бурная, пороги там каменистые. Вот туристы и погибли, а эта дамочка чудом выжила.

Сотрудники рыбнадзора удивлённо посмотрели на женщину, которая встала и закричала:

– Какая я вам дамочка! Вы ответите за такое обращение к женщине! Что вылупились?

– Смотри, Степаныч, она ожила! – растерянно проговорил Клим.

– Дура! Мы тебя спасать прибыли, а ты кочевряжиться вздумала?! А ну затихни, стерва! А не то, как дам веслом по заднице, которая у тебя с головой местами поменялась! – рявкнул на опешившую Наталью Степаныч.

Наталья притихла, затравленно втянула голову в плечи, а затем расхохоталась. Прекратив смеяться, она забормотала:

– Кто я? А вы кто такие? Откуда я здесь взялась?

Клим помог странной женщине перебраться в лодку. Она смотрела на инспекторов блуждающим взором и молчала.

– Ловко ты её, Степаныч! Прикрикнул на неё – и она затихла! Больше не возникает, – сказал Клим.

– А то! – довольно сказал Степаныч. – С бабами надо быть поосторожнее. Больше она не будет голос повышать. А вообще, сдаётся мне, что она сумасшедшая. Ты, на всякий случай, ей руки свяжи, а то, знаешь, от тихого помешательства до буйства один шаг.

Клим связал Наталье руки за спиной и усадил её на корму.

– Похоже, она не скоро сможет рассказать, где и с кем была в верховьях реки, и что случилось с её спутником или спутниками, – кивнув на отрешённо всматривавшуюся вдаль женщину, предположил Клим.

– Не беспокойся. Думаю, врачи её вылечат, – сказал Степаныч.

– А ловко ты её веслом припугнул!

– Вот только, похоже, переборщил я с веслом, – вздохнул Степаныч, чувствуя угрызения совести.

– Кстати, а где оно лежит? – спросил Клим, заглядывая под сиденье.

– Да нет здесь никакого весла. Я мотору доверяю, – усмехнулся в усы Степаныч.

Моторная лодка понеслась вдаль по затянутой туманом реке...

Расставаясь с Натальей, Павел не мог предположить, что вечно всем недовольная Наталья, явившаяся к нему на короткий срок из близкого прошлого, никому не сможет поведать ни о Звон-острове, ни о жителях, его населяющих. Она никогда не вспомнит и о своих проектах по превращению Звон-острова в туристический рай. Наталья проведёт остаток своих дней в районной психиатрической лечебнице, расположенной на окраине таёжного посёлка. И неизвестно, стоило ли за это ругать или хвалить Степаныча, вскоре после того случая на реке вышедшего на заслуженную пенсию.

Глава 5. Пасечник

– Всё же тебе надо на пасеку сходить. Родион тебе лекарства пчелиного даст – смолку и пыльцу, и мёдом полечит. Заодно мёда принесёшь для своего толстого друга, которого рысь порвала, – когда вертолёт скрылся вдаль, сказала Фотиния.

– Хорошо, схожу на пасеку, – согласился Павел.

– Вместе пойдём. Я только с собой бидоны для мёда возьму.

– Лучше я пойду один.

– Так вот ты какой! – усмехнулась Фотиния.

– Какой?

– Трусливый. Боишься, что мой отец станет ругать? Ну, если хочешь, возьми с собой своего друга, – кивнув на Олега, сказала Фотиния.

– Давайте пойдём втроём, – предложил Павел и предложил:

– Олег, давай прогуляемся до пасеки. Фотиния нам Звон-остров покажет.

– Не откажусь. Давно на экскурсиях не был, – обрадовался Олег.

– Что такое экскурсия? – не поняла Фотиния.

– Это когда посещают места, где много достопримечательностей, – пояснил Павел.

– У нас много достопримечательностей. Хотите, увидеть ручного лося? – спросила Фотиния.

– Можно и лося посмотреть, – сказал Павел, и тут же спросил:

– Значит, на нём пашет Игорь, который меня из тайги сюда на лодке привёз? У него сын Пётр?

– Он самый, – кивнула Фотиния.

– Нет. Не надо смотреть на лося, – мотнул головой Павел.

– Почему? – удивилась Фотиния.

– Потому что не хочу с отцом Петра лишний раз встречаться. Да и с самим Петром мне не стоит знаться, – сказал Павел.

– Вот в чём дело! Ну, если Пётр набросится на Павла, то я вступлюсь за своего болезного друга. У меня хорошо поставлен удар, – сказал Олег.

– Прекратите! – возмутилась Фотиния. – Не станет Пётр на гостей бросаться.

Она направилась к своей избе и вскоре вернулась с двумя алюминиевыми бидонами. За время её отсутствия Павел обратил внимание, что за ним с Олегом внимательно наблюдают стоявшие в сторонке две похожие друг на друга, как две капли воды, кареглазые девушки со спадавшими на плечи длинными русыми волосами, одетые в белые платья. Видимо, местные юные жительницы надевали платки только перед походом в церковь.

– Что это за девушки? – поинтересовался Павел.

– Тебе зачем знать? – недовольно спросила Фотиния.

– Они на нас пристально смотрят.

– Это Аглая и Степанида. Они близняшки. Всегда вместе ходят. Кстати, им обеим Пётр нравится. Они за мной постоянно следят. Я уже привыкла. Теперь и вы их заинтересовали, потому что со мной разговариваете, – сказала Фотиния.

– Вроде эти юные создания симпатичные, а имена, как у старых деревенских бабок, – присмотревшись к девушкам, отметил Олег.

– Так мы пойдём на пасеку? – спросила Фотиния.

– Конечно, пойдём, – сказал Павел.

– Ты меня потом с этими близняшками познакомишь? – тихо попросил друга Олег.

– Как же я тебя познакомлю, если сам с ними не знаком?

– Ты уже абориген, можно сказать. Так что, с тобой они скорее заговорят.

Фотиния строго посмотрела на Павла и взяла его под руку. Тут со стороны озера донёлся громкий хлопок.

– Что это? – спросил Олег.

– На поверхности озера лопаются большие пузыри, – пояснил Павел. – Рядом с ними опасно находиться. Рыбаки погибали, если оказывались рядом с таким пузырём.

– Да здесь аномальная зона! – воскликнул Олег.

В это время издалека донёлся звук выстрела.

– А это уже не пузырь лопнул. Звук похож на винтовочный выстрел, – определил Павел.

– Действительно, похоже на выстрел. Может, это охотники промышляют? – предположил Олег.

– Все наши мужики сейчас на острове, – уверенно сказала Фотиния. – Никто в тайгу на охоту не отправлялся. Правда, дядя Игорь рассказывал, что в последние годы лихие люди стали в тайге появляться. Это плохо. Уж лучше, чтобы городские охотники в эти края забрели. Но волноваться не надо. Стреляли далеко отсюда. По острову можно спокойно гулять. Возьмите фляги для мёда, – сказала Фотиния и передала бидоны Павлу и Олегу.

Фотиния направилась по тропе, поднимавшейся в гору. Павел и Олег последовали за ней.

– Подумать только! Ещё вчера у меня была работа, квартира в Москве, а сейчас я оказался в глуши, на диком острове, – сказал Олег.

– Этот остров вовсе не дикий, а обжитой. Местное население – не дикари, а нормальные люди, ушедшие от суеты городов. Нам надо понять, насколько мы готовы к тому, чтобы навсегда остаться на Звон-острове, – сказал Павел.

– Ты ещё думаешь вернуться в город? – расстроилась Фотиния.

– Если когда-нибудь такое и случится, я обязательно возьму тебя с собой, – пообещал Павел.

– Я никуда со Звон-острова не уеду, – нахмурившись, сказала Фотиния.

Проходя мимо храма, они заглянули в приоткрытую калитку. На двери храма висел замок. Отца Савелия и звонаря Серёжи нигде не было видно.

– Красивый здесь храм. Великолепная архитектура – древний византийский стиль, – отметил Олег.

– А какие тут колокола! Знаешь, как они звонят! – восторженно произнёс Павел.

Они преодолели овраг и, перевалив через холм, ступили на мост, переброшенный через узкий залив. Олег остановился и, достав из-за пазухи фотоаппарат, принялся делать снимки.

– Ты для своего журнала делаешь снимки? Неужели ты снова гредишь о надоевшей работе? Ведь ты мечтал уйти из редакции. Эти снимки не надо публиковать. Нельзя привлекать туристов на Звон-остров, – сказал Павел.

– Я машинально. Привычка. Как вижу красивый пейзаж, так рука сама тянется к фотоаппарату. Не переживай, эти снимки я делаю для себя, – уверил друга Олег.

За мостом начинался пологий подъём, преодолев который, путники вышли на равнину. Впереди лежали поля, но которых колосились злаки: пшеница, рожь и овёс.

– Что это за высокий холм, который виднеется за перелеском? – спросил Олег.

– Это Медная гора. Она находится у самого берега озера, – ответила Фотиния.

Они пошли по тропинке, протоптанной среди высокой травы.

– Как много пчёл летает над цветами! – отметил Олег.

– Обрати внимание: местные пчёлы миролюбивые и трудолюбивые, – сказал Павел.

– Вам так нравятся пчёлы? – удивилась Фотиния.

– Да как же они могут не нравиться? Ведь на этом острове здоровые пчёлы, – весело произнёс Олег.

– Это мы с тобой радуемся здоровым пчёлам, которые не нападают на людей. Для местных жителей перелетающие от цветка к цветку пчёлы – в порядке вещей. Фотиния представить не может, что происходит с пчёлами во всём мире, – сказал Павел.

Стало жарко. Одежда на Павле давно высохла, и теперь он изнемогал от жары, усталости и вновь появившейся Боли, которая снова начала его терзать. В такие мгновения Павел становился полностью зависимым от Боли. Он ощущал Боль, словно она была живым безжалостным существом. Павел крепился и старался не показывать спутникам, как он страдает. Олег устал. Он шёл, отдуваясь и вытирая капельки пота, выступившие на его сверкающей на солнце лысине. Только Фотиния, казалось, не чувствовала усталости. Она шла легко и быстро.

– Когда же мы доберёмся до пасеки? – измученный дорогой, зноем и Болью, спросил Павел.

– Скоро. За перелеском будет пасека, – ответила Фотиния.

Тропка привела их в липовую рощу, воздух в которой был насыщен тягучим приторным ароматом. Пчёлы с настойчивым гулом кружились над невзрачными душистыми цветками липы и собирали нектар.

Выйдя из рощи, они увидели пасеку. Ульи стояли в несколько рядов. Пчёлы вились возле летков и с гулом носились по плотному душистому, словно настоящему на мёде, горячему воздуху. Чуть в стороне, на опушке рощи, стояла изба.

– Дядя Родион, вы дома? – подойдя к избушке, спросила Фотиния, и постучала в закрытую дверь.

Дверь со скрипом отворилась, и к гостям вышел пасечник.

– Добрый день, дядя Родион! – поздоровалась Фотиния.

– Здравствуй красавица! Здравствуйте, гости дорогие! – пробасил Родион.

– Привет! – сказал Олег.

– В каком это смысле: «привет»? Тебя вежливо здороваться не учили? – спросил Родион.

– Здравствуйте! Очень приятно, – сказал Олег.

– Недавно двух больных Игорь привёл на остров, а теперь, значит, ещё один появился. Тоже выжил в катастрофе? – внимательно посмотрев на Олега, поинтересовался Родион.

– Олег прилетел на вертолёте, – сообщила Фотиния.

– Вот как! Значит, Олегом тебя звать, – усмехнулся Родион.

– Олег Иванов, – представился гость.

– Выходит, это ты к нам прибыл на вертолёте. То-то я слышал стрекотание в небе! Плохо дело. В последнее время слишком много приходит людей на Звон-остров, – задумавшись, сказал Родион. – А ещё я выстрел слышал.

– Это в тайге, за озером, стреляли, – пояснила Фотиния.

– Где сейчас вертолёт? – поинтересовался пасечник.

– Улетел, – ответил Павел.

– А ты, Олег, выходит, остался? Зачем? – подозрительно посмотрев на Олега, спросил пасечник.

– Мне понравился Звон-остров. А главное, здесь решил пожить мой друг Павел, – объяснил Олег.

– Олег меня искал. Верил, что после того, как самолёт пропал, я остался в живых, – сказал Павел.

– Вот оно как! Тогда это меняет дело. Дружба – это святое! – сказал Родион и пригласил гостей:

– Заходите в дом!

В жилище пасечника свет проникал через небольшие узкие окна, затянутые марлей. В избе было душно и жарко.

– Прошу за стол, – сказал пасечник.

На столе стояла большая глиняная тарелка с сотами, истекающими золотистым мёдом. Рядом с тарелкой, на расстеленном на столе белом полотенце лежал ржаной хлеб. Хозяин поставил перед гостями глиняные миски, алюминиевые кружки и положил деревянные ложки.

– Угощайтесь! – разрезая соты и раскладывая их по мискам, предложил пасечник.

Затем Родион поднял с глинобитного пола запотевший кувшин, из которого разлил по кружкам прохладную родниковую воду.

– Ко мне гости редко заходят, – сказал пасечник, с удовольствием наблюдая за тем, как гости за обе щеки уплетают тягучий золотистый мёд.

– В августе, на Медовый Спас, к тебе, дядя Родион, много людей за мёдом придут, – утешила хозяйина Фотиния.

– На Медовый Спас, конечно, на пасеку многие пожалуют, – согласился хозяин. – Я этот день жду с нетерпением. Надеюсь, наши гости скоро увидят, как мы отмечаем этот праздник.

– У вас очень вкусный мёд. Никогда такого не ел, – похвалил угощение Павел.

– Это тебе так с непривычки кажется, – заметил Родион. – Мне, например, мёд уже надоел.

– А что же ты тогда держишь пасеку, дядя Родион? – поинтересовалась Фотиния.

– А как же пчёлки? Ведь без меня они погибнут, – проговорил пасечник. – А пчела – Божье создание. Её беречь надо. Не могу я без пчёл. Люблю я их.

– Так они ж кусачие! – удивилась Фотиния, слизывая струйку мёда, норотившую соскользнуть на пол из уголка её губ.

– Ну, так и пусть пчёлки кусачие! Вон ветки крыжовника и облепихи тоже колючие, однако, ягоды у этих кустарников вкусные и полезные, – сказал пасечник и, бросив насмешливый взгляд на Павла, сказал:

– А ты, мужик, на девку за столом не пьяйся. За столом есть надо.

Фотиния смутилась и покраснела, а Павел поперхнулся терпким мёдом.

– Ешь, не торопясь, а то подавишься. Тебе мёд полезен. Болезнь твою только свежий мёд, перга, прополис, маточное молочко да земляника с Медной горы вылечат, – уверенно сказал пасечник.

– А я слышал, что ещё грибы лисички рак лечат, – добавил Павел.

– Снова ты за своё! Не называй ты этим словом свою болячку. Вообще-то, рак – это речное и озёрное животное. Между прочим, раки очень вкусные, – сказал Родион.

– А я много лисичек съел, пока мы с Анатолием по тайге брели, и мне после этого намного легче стало, – поведал Павел.

– Насчёт лисичек ничего сказать не могу, а вот мёда тебе много надо есть, – сказал пасечник.

– А я ведь тоже пчёлами занимался, – сообщил Павел.

– Неужели у тебя пасека была? – заинтересовался Родион.

– У нас был экспериментальный участок с несколькими ульями, на котором я с коллегами изучал поведение пчёл. Но потом у нас произошло чрезвычайное происшествие, – сказал Павел и умолк, вспоминая события, происходившие в далёком городе.

– Серьёзное происшествие? – заинтересовался Родион.

– Серьёзное. Вообще-то, сейчас пчёлы во всём мире болеют. Перед смертью они становятся агрессивными. Людей жалят насмерть.

– Дай Бог, чтобы Звон-остров миновало это бедствие! – воскликнул пасечник и перекрестился.

– Я смотрю, здесь будто оазис. Пчелиный рай, – вступил в разговор Олег.

– Не сглазь! – пробурчал Родион.

– Звон-остров вообще райский уголок. Такой красоты я нигде не видел! – с жаром произнёс Павел.

– Я тоже поражён красотой острова. А, главное, здесь у вас идёт размеренная жизнь, о которой в городе я только мечтал, – признался Олег.

Пасечник встал, спустился в погреб, вытащил оттуда бутылку, наполненную золотистой жидкостью, и поставил её на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.